

Юлия Флери

ТЫ...

НЕ МОЯ...

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юлия Флёри
Ты... не моя...

«Автор»

2020

Флёри Ю.

Ты... не моя... / Ю. Флёри — «Автор», 2020

Это произошло случайно. Она казалась ему глотком свежего воздуха, но в реальности обещала непременно принести в жизнь перемены. Перемены порой нежеланные. Окружала и окутывала, заставляя поверить в какую-то параллельную реальность, окунуться в новый мир. А потом ушла. Так же неожиданно, как и когда-то появилась. Она увлекала своей неповторимостью, загадкой. Она решала, предлагая беспрекословно подчиниться, а он просто не смог уловить ту грань, на которой стоит остановиться, и пропал. Именно так началась эта история любви... или история одной сумасшедшей...Содержит нецензурную брань.

© Флёри Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юлия Флёри

Ты... не моя...

Пролог

Это был тяжёлый день. До отвращения. До омерзения. Особенной тяжестью в голове и теле отозвался вечер с его грёбаными переговорами. И даже мысль о заключённой сделке не грела. Хотя... наверно, ничего особенного. Тяжёлой была и вся неделя, и месяц, и даже год. Нет, не год... последние лет пять... или семь. Он уже не помнил, когда всё это началось. Врал, конечно, ведь память не отшибло. И число помнил, и месяц. Помнил даже примерное время, правда, лучше от этого не становилось. И хотелось лишь побыстрее добраться домой.

Кто его уговорил купить дом в такой глуши?.. Истинный городской житель, которого не дёргает не стихающий рёв моторов за окном и соседи, оккупировавшие со всех сторон. Да. Нужно было брать квартиру. Но ведь иметь свой дом за городом престижно. По крайней мере, Марина утверждала именно так. А ещё сотня её подружек и любимая мамуля. Будущая тёща.

От воспоминаний о скором появлении новых родственников заученным механическим движением передёрнулись плечи. С определённого момента лишних людей рядом он не держал. Жизнь рассудила, от кого можно отказаться. И менять привычки не хотел. Даже не думал. Сейчас думал только о том, как бы поскорее завалиться на кровать и закрыть глаза. Да. Именно об этом. Даже принимать душ не хотелось. Глупость, конечно, сморозил... Вода исцеляет, придаёт сил, какое-то необъяснимое чувство свободы и будто бы полёта... А, значит, завалиться на кровать вот так, в чём есть... как в молодости, как в той далёкой, настоящей жизни, уже не выйдет. И брюки снимет, и носки. Кто знает, может, даже пиджак повесит на плечики, ведь в пиджаке под душ не полезешь!

Охранник на въезде в посёлок отозвался дежурной улыбкой и открыл ворота. И не лень ему топтаться на улице, приветствуя зажавшихся представителей местной элиты? Вот он сам бы ни за что тут не стал. Уж лучше бы пулю в лоб, а этот вон стоит, улыбается. Возможно, даже доволен жизнью, ведь на посту охраны смена сутки через трое и зарплата. Мельчает народ, мельчает... За деньги перестаёт себя уважать. Нет идей, нет стремлений. Желания получить нечто большее, чем материальные блага, и того нет. Впрочем, может, оно и правильно. Так спокойнее. Создаётся иллюзия счастья.

Он сейчас, как и этот охранник, тоже счастлив. Доволен своим положением, может беззастенчиво похвастаться успехами. Невеста, опять же, умница, красавица... Разница лишь в том, что понимает, чувствует ту самую пропасть между счастьем и его видимостью.

Счастлив человек иначе. Совсем не так, как он счастлив сейчас. И нет этого щекочущего нервы азарта, желания побеждать, поскорее заглянуть за следующий поворот судьбы... Ему и заглядывать-то некуда. Какие повороты? Всё ясно на сто лет вперёд. Офис, дом, жена с её бесконечными шмотками и рассуждениями на тему «как мы проведём лето». Детей в планах и то нет! А ведь ему уже тридцать шесть... Пора бы задуматься. «Ага, вот, прямо сейчас и подумаю» – он криво улыбнулся отражению собственных глаз в зеркале заднего вида. На самом деле понимал, знал, что детей не хочет. В том смысле, что не просто не хочет, а дать им нечего. Кроме тех же денег. А откуда взять чувство полёта, вдохновения, единения с самим собой? На пальцах объяснить, что ли? «Вот и подумал о детях, ничего не скажешь».

И как же всё-таки хотелось закрыть глаза... Тяжёлый выдох позволил на мгновение расслабиться. Да, всего на мгновение. Которого, кстати, хватило, чтобы зацепить кого-то на пустынной, казалось бы, дороге. Резко дав по тормозам, Слава оглянулся, пытаясь разглядеть

хоть что-нибудь на запорошенной снегом обочине, но то ли смотрел не туда, куда нужно, то ли смотреть уже было не на что – уловить так ничего и не удалось.

Мысленно выругавшись, а вслух лишь раздражённо прорывав что-то невнятное, не имеющее смысла, а, скорее, выражающее крайней степени досаду, он дёрнул ремень безопасности. Снова оглянулся, обтёр лицо сухими ладонями и всё же выбрался из машины. Свежий морозный воздух приятно обжёг лёгкие. Наверно, стоило поскорее разобраться в случившемся и уладить возможный конфликт до его зарождения, но Слава позволил себе передышку. На то самое счастье, которое хоть и редко, но всё же посещало. Именно в такие моменты. Когда тишина, свет одинокого фонаря где-то вдали и бесконечный поток снежных хлопьев кружится в небе. Когда никому и ничего не должен. Хотя, говоря о долге, он явно погорячился. Ведь кого-то всё же на своей машине да сбил.

От невесёлых мыслей отвлекал знакомый с детства, приятный скрип свежего снега в морозную ночь. Пожалуй, лучше чем ночью, он скрипит только ранним утром. На рассвете. И запах у морозного утра особенный. Что-то неуловимое, бодрящее. Сейчас запах тоже был, но совсем не тот. Ну и одинокая фигура женщины заставила замереть на месте. Она напрочь выбила из головы весь предшествующий сумбур.

– С тобой всё в порядке? – спросил Слава первое, что пришло на ум, хотя на уровне подсознания понимал, что едва ли услышит ответ. – Эй?.. – склонил голову, пытаясь заглянуть в её лицо.

Женщина стояла, приткнувшись спиной к багажнику авто. Стояла и будто ничего не замечала. Не понимала, где находится и что произошло. С каким-то неестественным интересом она рассматривала свои ладони.

– Ты заблудилась? – неловко прохрипел он, на уровне подсознания понимая, что закончиться выплатой материального ущерба сложившаяся ситуация не может в принципе.

Окидывая взглядом весьма и весьма странную особу, Слава выдохнул сквозь сжатые зубы. Напряжённой ладонью он растёр шею, отмечая, как не вовремя оказался на заснеженной дороге, в посёлке, да и в этой никчемной жизни!

– Ты одна здесь? – озвучил пришедшую на ум мысль и тут же оглянулся в поисках ответа, ведь незнакомка продолжала хранить молчание и не позволяла нарушить её мнимое уединение.

Слава едва слышно взвыл, осознавая всю безвыходность своего положения. Женщина начала раздражать. По-хорошему ему бы стоило сделать вид, будто ничего не произошло. Ведь она цела и невредима. Стоило бы запрыгнуть в машину и вжать педаль газа в пол, но что-то останавливало. И, нет, это была отнюдь не жалость к ближнему. И уж точно не страх быть наказанным. Это нечто большее. Словно... словно поток свежего воздуха в бесконечной череде будней. Так странно... но сейчас, действительно, было как-то легко. И чёрт его знает, что переклинило в мозгу, откуда взялась эта лёгкость, но даже с места двигаться не хотелось. Слава стоял и смотрел на случайную встречную. Необычная. Будто сумасшедшая, она находилась в каком-то своём мире и не спешила оттуда выглядывать. Едва заметное шевеление губ можно было принять за шёпот, бормотание, но, даже наклонившись ближе, не удалось разобрать ни звука.

В какой-то момент незнакомка будто ожила. Резко. Точно и не было этого забытья. Она осмотрелась по сторонам, кутаясь в густой воротник шубы, пытаясь запахнуть её на груди. Мелко задрожали губы, и даже показалось, что стало уловимо чуть слышное постукивание зубов. Леденящий ветер подул со стороны, приводя в чувства двоих.

Пожалуй, только тогда Слава и приметил не по сезону лёгкую обувь на ногах женщины – это были открытые туфли на шпильке. Тонкий каблук утопал в сбитом дорожном снеге, позволяя тому касаться обнажённой кожи. Только тогда увидел посиневшие кончики пальцев, тонкий слой инея, покрывающий ворот дорогого меха – она слишком близко прижимала его к губам, и тёплое дыхание заставляло плавиться упавшие на мех снежинки. Сейчас, видимо,

дыхание было не настолько тёплым, а мороз не настолько щадящим, и длинные ворсинки покрывались тончайшим слоем льда. Точно таким же, как и её ресницы.

Странная встреча сулила проблемы и отнюдь не радужные приключения. Пускаться в приключения Слава зарёкся лет десять назад, потому, нервно тряхнув головой, он повысил тон и перешёл к более официальному обращению. Фактически выстроил между собой и незнакомкой непроницаемую стену.

– Если с вами всё в порядке... – начал он громко и уверенно, на что женщина, с целью найти его глаза, резко вскинула взгляд.

Она ловко поймала его интерес и не пожелала отпускать. Мгновенно справившись с охватившей тело дрожью, с достоинством королевы, медленно и грациозно незнакомка вскинула подбородок, выпрямила спину, выдала чуть надменную улыбку.

– Вам следовало быть более осмотрительным за рулём, – проговорила, и не пытаясь продемонстрировать упрёк. – Вы меня сбили, так, с чего взяли, будто что-то может быть в порядке?

Ответа и не ждала. Мягко улыбнувшись, чуть повернула лицо в сторону, опустила взгляд, неловко повела плечами.

– Впрочем, эта встреча спасла мне жизнь, – располагаяще добавила она чуть погодя. – Я жутко замёрзла, насквозь продрогла и не откажусь от чашечки горячего чая, – проронила, заставляя нервно жевать губами в ответ на последнее заявление.

– Так, вы заблудились? – утвердительно кивнул Слава, а незнакомка будто поджала губы. Именно «будто», ведь пыталась сделать это незаметно.

– Совершенно не ориентируюсь на местности, – неловко рассмеялась она и для убедительности, желая ускорить процесс, а период ненужного допроса максимально сократить, позволила холоду пронзить себя насквозь. И только лишь отпустила контроль, как тело, точно на автомате, выдало порцию ярко выраженной дрожи.

– Вы здесь живёте?

Незнакомка стрельнула грозным взглядом, демонстрируя недовольство тем фактом, что её намёки проигнорировали.

– Могу предложить вам свой телефон.

Для убедительности Слава даже протянул руку к внутреннему карману пальто, а незнакомка безразлично улыбнулась.

– Позвоните своим друзьям, родителям, мужу... – принялся он перечислять, пытаясь разглядеть в её лице отклик.

– К сожалению, – вздохнула женщина, – к моему и вашему... – добавила со значением, – я не сильна в цифрах, но если моё общество для вас в тягость, соглашусь на предложение доездить до ближайшей гостиницы. Кажется, она была здесь недалеко, у реки.

Незнакомка безвольно взмахнула рукой, правда, в противоположную сторону.

– Зимой гостиница пустует, – не без сожаления выдал Слава и, ощущая, как усилившийся за время разговора мороз охватывает ладони, ноги, спрятанные в хорошие зимние ботинки, снова покосился на странную мадам.

– Неподходящее вы выбрали время для прогулок, – посетовал он, но приглашающий жест в сторону автомобиля всё же сделал.

Слава не сразу понял, чего женщина ждёт, остановившись у пассажирской двери, и нахмурился, понимая, что придётся идти следом и помочь.

– Не поймите неправильно, – оправдываясь, качнула она головой. – Пальцы замёрзли и совершенно отказываются работать, – вглядываясь в его лицо, проговорила с каким-то эмоциональным спадом, но Слава предпочёл отгородиться от лишней информации и всё же добраться домой. Пусть и с незваной гостьей.

Он устроился на водительском сидении, стараясь не смотреть в сторону незнакомки, а та уже и не пыталась привлечь внимание. Отогревалась, оттаивала, а спустя время и вовсе сникла.

– Как тебя зовут? – вдруг спросила она, только лишь Слава успел расслабиться. Спросила, но на него не смотрела, так и продолжала гипнотизировать взглядом дорогу.

От пронизательности женщины стало не по себе. Да что там... разозлила! Абсолютно отстранённая внешне, она не прекращала анализировать ситуацию. Будто держала её под контролем. А сейчас дала возможность это понять.

– Злишься? – подала голос вновь и повернула голову. Сверкнула глазами, как истинная ведьма. В темноте салона Слава, пожалуй, только этот блеск и уловил.

– Да я смотрю ты, малышка, отогрелась?! – рыкнул он вместо того, чтобы промолчать или сделать вид, будто не понял вопроса. – Как снова захочешь прогуляться, ты мне скажи! – предупредил и, удовлетворённый ответным молчанием, вызывающе хмыкнул.

– Такой странный вечер... Не находишь? – грустно улыбнулась его спутница вместо того, чтобы послушно замолчать. – Ещё утром я была уверена в том, что всё происходящее предельно ясно и понятно, а уже вечером моя жизнь зависит от настроения хамоватого мужчины. Обидно.

– Радует лишь то, что у нас всегда есть выбор: терпеть неподходящую компанию или всё же выйти и насладиться одиночеством. Свой можешь сделать уже сейчас.

– Из этих слов следует, что ты выбор всё же сделал, – уколола она тоном и обвела взглядом салон авто. Её компания для Славы оказалась «подходящей».

Хоть и оскалив зубы, но пришлось согласиться.

– Да, – едко ухмыльнулся Слава. – И очень надеюсь на твою благодарность. Заткнись и не беси меня минут пять. А там делай что хочешь!

Слава болезненно поморщился, будто каждое слово выходило под усилием, причиняя видимый дискомфорт. Ну а незнакомка усмехнулась. Властно, надменно, будто забавляясь его реакцией. Теперь она смотрела прямо. Без стеснения и должной опаски. Всё равно, что разглядывала и не боялась это демонстрировать. А Слава ответил. На взгляд, разумеется. И дал по тормозам. Так, что эта чокнутая дёрнулась, удерживаемая только ремнём безопасности. А он тоже посмотрел прямо в глаза. Её громкий смех, казалось, ударной волной прокатился не то, что по нему самому, по его машине, но и по всему посёлку! А потом смех стих, горящий безумием взгляд потух, а губы, будто и не было этого помутнения, тихо проронили:

– Как тебя зовут?

Наверно, выгнать странную мадам из машины стоило в ту же секунду. Это было необходимо, жизненно важно для эгоистичной, себялюбивой натуры каждого здравомыслящего мужика. Просто взять и выгнать! Не поленился, обойти авто, устремившись к пассажирской двери, дёрнуть на себя заостренную от ночного мороза ручку и рвануть за меховой воротник, который отчего-то стал раздражать. К слову, в этот раз Слава решил не играть с судьбой и намеревался проделать подобный фокус. Но незнакомка рассудила иначе. Стоило ему покинуть салон, как дама с лёгкостью нажала на кнопку блокиратора двери и без зазрения совести наблюдала за увесистыми ударами тяжёлых ботинок по одеревенелой всё от того же мороза резине.

Выдохся Слава быстро. И трёх взмахов ногой хватило, чтобы опомниться и рассмеяться в голос. Так же, как и женщина, сидящая в его машине, сделала это минуту назад. Он просто рассмеялся, сбрасывая негатив. Обогнув машину ещё раз, не удивился, что дверь со стороны водителя оказалась открытой. Спокойно сел, дёрнул рычаг переключения передач и тронулся с места. В этот раз отвечать на требовательный взгляд не посчитал нужным.

– Как тебя зовут? – проронила она снова совершенно невинно. В какой-то момент даже показалось, что, действительно, вычёркивает из памяти неудачные эпизоды. Ему бы так...

– Слава, – ответил он с неоправданной для ситуации лёгкостью. «Смирился» – недовольно констатировал для самого себя, но постарался сделать этот мыслительный процесс как можно незаметнее.

– Слава? – чуть удивлённо пробормотала женщина. – Станислав, Святослав, Вячеслав?

– Просто Слава. Не знала, что есть такое имя? – рыкнул он в ответ на варианты, а незнакомка безразлично пожала плечами.

– А меня зовут Ада.

– Очень символично! – издевательски хмыкнул он и тут же резанул взглядом. – Просто Ада? – не остался в долгу ни в надменном тоне, ни в самой небрежной подаче. – Аида, Адена, Адина?

Слава изогнул бровь и, поймав себя на мысли, что ожидает её выпада, чуть вытянул губы вперёд.

– А ты злопамятный, – легко отмахнувшись, усмехнулась случайная попутчица. – И меня, действительно, зовут просто Ада. Хотя я вот не поняла, к чему было это упоминание о символичности? Согласись, ты вёл себя недостойно, и моя реакция оказалась не более чем закономерной. Зачем эти вспышки гнева, агрессии? Резкие движения – и те дались с трудом, но ты не поленился, пересилил себя. И в чём смысл, если я по-прежнему сижу перед тобой и, кстати, всё же узнала заветное имя? Ты заслужил такое моё обращение, и вспоминать о символичности было излишне.

– Я бы не отказался от молчаливой благодарности в ответ на моё великодушие, – вовлекаясь в её рассуждения, Слава скривил губы. – Считаешь себя вправе давать уроки вежливости?

– Ты устал. И я всего лишь напомнила, что виновных в этой усталости здесь нет. Но, не скрою, твои эмоции мне приятны. Ведь они настоящие... Как редко в наше время можно встретить...

– Приехали, – грубо перебил он, не позволяя развить тему в нужную для мадам сторону.

Справившись с пультом ворот, Слава загнал автомобиль в просторный двор и, уходя, громко хлопнул дверью. Пригласить попутчицу за собой, разумеется, не догадался.

Глава 1

В ярком искусственном свете гостиной комнаты происходящее приобрело резкие черты реальности, жёсткости, будничности.

Сказка морозной ночи подошла к концу, как только они пересекли порог его дома. Ещё в прихожей, где Слава постарался как можно быстрее избавиться от ботинок, пальто, оставил в сторону рабочий портфель, прочувствовать этого было нельзя. Он не захотел и не стал задумываться об этом. Все его движения были намеренно порывистыми, источающими безразличие. Что угодно, только бы не оказаться с ней в замкнутом пространстве. Будто сбежал. А вот женщина оставаться лишь ночным видением не хотела и довольно-таки уверенно сделала шаг вперёд, окидывая интерьер придиричивым взглядом.

По сути-то Слава понимал, что её внимание привлёк не интерьер, и уж точно не предметы декора. Это было желание сориентироваться в незнакомой обстановке, но сам по себе первый вариант развития событий устроил бы его больше. Вариант, при котором эта женщина могла бы вызвать брезгливость, отвращение или, на крайний случай, безразличие. А вот вникать в подробности, пытаться понять её сущность, не хотелось вовсе. Сознание с завидным постоянством выставляло красные стоп-сигналы вокруг её личности, её ауры, вокруг восприятия её, как женщины. Но все эти стоп-сигналы, насколько яркими они ни были, с убийственной лёгкостью перечеркнула лишь одна улыбка.

Сейчас мадам можно было рассмотреть во всей красе. И глянуть было на что! Идеальна. Такое впечатление складывалось при первом взгляде на милое личико. Нет, не на милое. Это не про неё. Скорее... Скорее, это был идеал общепринятой красоты. Тот, что в моде именно сейчас, сегодня, в этот день и этот час. Высокие скулы, пухлые губы, правильной формы и идеальной пропорции брови, ярко очерченные профессиональным визажистом глаза. Без сомнения, работы лучших пластических хирургов. Ничего натурального! Этим Слава даже успел потешить самолюбие... Ну, не хотелось видеть перед собой женщину. Настоящую, стоящую... А вот эта кукла была в самый раз. Всё та же иллюзия счастья, о которой он упоминал не так давно. Вот, смотришь на неё и вроде бы счастлив, а копни глубже – открывается пустота. Безмерная. Как пропасть, как целая вселенная! Получилось вздохнуть с облегчением и улыбнуться. Преимущественно грустно и в основном самому себе.

А она будто и не заметила этого вздоха облегчения. Снова окунулась в свой мир. Видимо, в тот самый, в котором представляла себя королевой. Новая знакомая шагнула вглубь комнаты, элегантно движением сбросила с плеч дорогой мех. Не заботясь о его сохранности, с лёгкостью опустила на пол, точно зная, что завтра, взамен этой очаровательной шубки в её гардеробе появится новая. Не менее замечательная и не менее дорогая.

Массивное кольцо на шее, которое не удалось заметить раньше, сейчас просто резало глаз. Изумруды. Они делали, скорее всего, обыденный в жизни зелёный цвет радужки необыкновенно ярким, манящим. Лишним было только выражение недовольства на красивом личике – она тоже вспомнила о колье. И о том, что оно будто душит, сковывает. Потому ладонь и прошлась лёгким прикосновением по бесценным камням в поисках защиты, свободы.

Справившись с застёжкой, женщина небрежным броском отправила дорогую побрякушку туда же, где своего часа ожидал не менее дорогой мех. Холодные камни запутались, скрылись в густом ворсе, а красавица вдохнула полной грудью. Наконец, она посмотрела на хозяина «гостеприимного» дома и не поленилась выдать одну из самых обворожительных улыбок, на которые, вне всяких сомнений, была способна.

– В этом доме есть ванная комната? Мои губы от неестественной синевы скрывает разве что яркая помада. – Низко рассмеявшись своей шутке, незнакомка приблизилась с намерением лично осмотреть территорию и всё же достичь желаемого. – Не любишь, когда кто-то посягает

на границы личного пространства? – понимающе кивнула в ответ на недовольный взгляд, присела на подлокотник дивана и сбросила туфли, неловко разминая стопы.

– Милая, я жутко устал и был бы тебе безмерно признателен, помолчи ты хоть несколько минут. Я отведу тебя в комнату, я включу тебе горячую воду и с удовольствием выслушаю дифирамбы моему гостеприимству, но не сейчас.

– Забыл добавить: давай останемся друзьями, – сделала она попытку рассмеяться, как вздрогнула.

– Я просто хочу спать! – Прогремел раздражённый крик, и желание потешаться не то чтобы исчезло, нет. Скорее, оно временно ретировалось. – Иди за мной, – будто бы извиняясь за несдержанность, выдохнул Слава и двинулся в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

Наверху он, не пытаясь рассчитать силу, толкнул ближайшую дверь, щёлкнул по выключателю света, пересёк гостевую комнату.

– Здесь будешь спать, раз уж назвать адрес, по которому тебя рады видеть, отказываешься.

Слава указал на кровать.

– Это ванная, – небрежно ткнул он пальцем в сторону двери из непроницаемого стекла и тут же толкнул её, демонстрируя удобства.

Не желая утихомирить нарастающее раздражение, включил свет и там. Дёрнул за рычаг смесителя, врубая горячую воду на максимум.

В какой-то момент Слава понял, что выдохся. А, может, осознал всю бессмысленность действий и замер, стоя к женщине спиной. Он отдышался, двумя ладонями разом стёр с лица следы раздражения и усталости, запрокинул голову вверх и выдохнул снова. Теперь ровно, спокойно, благосклонно. Даже возникла мысль извиниться за неуместное представление. Слава решительно повернулся и обнаружил новую знакомую совсем рядом с собой. Нахалка стояла к нему спиной, двумя руками приподняв пышные светлые волосы к затылку. Даже ругнуться толком не получилось, глядя на её дерзость.

– Расстегни, – подсказала гостья, чувствуя замешательство.

Так и не дождавшись встречных движений, обернулась, недовольно посмотрела в глаза.

– Я не справлюсь с ними даже при всём желании, – процедила она и едва заметно указала взглядом на жёсткие застёжки платья. – Расстегни! – повторила... приказ... но теперь мягче. Теперь, будто покоряясь.

А Славе оставалось только усмехнуться тому, как ловко она внушила ему эту идею. Профессиональная обольстительница, не иначе.

С застёжками он справился. Потянул и за бегунок потайной молнии сбоку, продемонстрированный изящным поворотом тела в порядке очерёдности. Даже бретели поправил, сбрасывая их с плеч – она так хотела, она подставлялась под его руки, не спрашивая разрешения.

Гостья переступила гладкую ткань, скопившуюся у её ног. Каким-то необъяснимо свободным, раскованным движением она сбросила бюстгальтер, трусики и подала руку, требуя помочь справиться со ступенями подиума у высокого бортика ванной. Ничуть не смутившись пристального взгляда, опустила на дно, подтянула колени к себе. И замерла, чувствуя, как горячая вода всё выше и выше поднимается по телу в понятном стремлении его поглотить.

– Что-нибудь ещё? – рыкнул Слава, недовольный тем, что она попыталась соблазнить. Попыталась спровоцировать, продемонстрировать его слабость перед обнажённым женским телом.

Гостья улыбнулась.

– Если только пену... Обожаю пену. В такие мгновения кажется, что ты уже в раю, а вокруг лишь белые пушистые облака, – с демонстративным удовольствием проронила она и прикусила губу, забавляясь его реакцией. – Но если нет... – потерянно прошептала и показала при этом абсолютно несчастной. Даже в панике вздохнула.

– Придётся тебе, милая, довольствоваться тем, что есть. Я, как ты понимаешь, от рая далёк, – ровно проговорил Слава и вышел. Просто вышел, не желая слышать её ответы, анализировать их и делать какие-то выводы. На сегодня хватит.

Его комната была в противоположном конце коридора. Именно сейчас это казалось неплохим решением проблемы. Пусть он смотрел только в глаза, пока она... Ада... нагло демонстрировала свои прелести... Пусть. Но готов был с любым спорить: её тело оказалось так же идеально, как и лицо. И грудь... Он примерно представлял, сколько эта грудь стоила её... кому? Любовнику? Да. Наверно, так. Ведь на куклах не женятся. Он бы точно не женился. Дорогая игрушка, которую нужно наряжать и показывать друзьям.

Что-то неприятное резануло по нервам... Его Марина в некоторой степени была такой же куклой. Разве что её красота не стоила Славе ни гроша... А вот одевать и хвастать – в этом та же беда. А жена должна быть такой, чтобы не демонстрировать, а прятать сокровенное. Хрупкое счастье, которое так легко разрушается от мимолётного дуновения ветра. Так он представлял себе это прежде. Сейчас же согласен и на Марину. Тоже в некотором смысле её покупал. Иначе никак. Дрянной характер, уродующие тело шрамы, целый букет хронических заболеваний, от которых не спрятаться, не скрыться. Сейчас вот ноющей болью отдавала поясница – многочасовые переговоры в вынужденной позе дали о себе знать.

Марина, кстати, не в обиде – эта крошка получит состоятельного супруга, которому по барабану её пустые разговоры, периодические закидоны и глупые истерики. При том что глупой она вовсе не была. Просто вжилась в роль. Ведь хорошо понимала, кого Слава хочет видеть рядом с собой, вот и соответствовала. И Ада кому-то соответствует... Иначе и быть не может.

Захотелось смыть с себя тяжесть этого дня раз и навсегда, потому он и врубил воду на полную мощность. Правда, пользоваться предпочитал душевой кабинкой. Быстро и результативно. Как всё в его жизни. Той самой, где, казалось бы, давно нет места удовольствию.

Слава вышел из душа, накинул на тело полотенце и завалился на кровать. Так, как и мечтал до этой странной встречи. Только вот уснуть отчего-то не получалось. Он не сразу понял, что отвлекает шум воды. Тот самый шум, который доносился из гостевой комнаты, хотя с чего бы ему этот шум слышать? Прежде никогда не замечал и считал звукоизоляцию в комнате достаточной, а теперь...

Ещё с полчаса Слава слушал этот звук, не меньше, пока терпение не приблизилось к своему пределу. Только тогда оделся и резким шагом преодолел коридор. Заморачиваться и стучать в дверь не счёл нужным. Просто ворвался. Ворвался, иначе и не назовёшь, но Ада не шелохнулась. Взору предстала ванная комната, наполненная густым паром, кран с водой, который, как он сейчас понимал, ещё сам открыл, и бьющая по голове, запредельная температура.

– Ты ещё не облезла, плескаться? – гневно выкрикнул он.

На самом деле злился на себя. Ведь боялся, будто что-то могло случиться. В итоге дёрнул Аду за плечи, укутал в полотенце, поставил на пол, а она будто и не понимала, что происходит. Смотрела на него, не моргая, и забывала, как дышать.

– Если ты сейчас спросишь, как меня зовут, я не удивлюсь, – проговорил будто бы в сторону, усмехаясь самому себе в ответ на её странную реакцию.

– Зачем? Я всё помню. Ты Слава, – вроде бы удивилась гостья и проморгалась, но взгляд яснее не стал.

Так смотрят, когда пытаются создать иллюзию неземной любви... Или на старого знакомого, которого не ожидал увидеть. Слава не попадал ни под одну из предложенных категорий, потому насторожился.

– Всё в порядке? Мозги не вскипели?

– Нет. Я пыталась отогреться.

Ада тут же демонстративно поёжилась. Она выскользнула из объятий, уворачиваясь в сторону, как вдруг обернулась, будто уговаривая себя, что обозналась. Правда, всё равно разглядывала его с пристальным, удвоенным вниманием.

Теперь назвать её женщиной не поворачивался язык. Нет, безусловно, женщина. Красивая и всё такое, но выражение лица без тонны агрессивно нанесённого макияжа было каким-то детским, наивным. Невинной её не позволял назвать взгляд. Вот взгляд уж действительно зрелый, осознанный. Сейчас гостя даже совладала с собой и попыталась спрятать интерес, но Слава чувствовал: как только он отворачивался, странная мадам ухитрялась глянуть исподтишка. Спать расхотелось, и он не придумал ничего лучшего, чем составить новой знакомой компанию.

– Может, чаю? – вдруг предложил и удивился сам себе. Не припомнил момент, когда был так же услужлив, и лишь мысль о том, что это их первая и последняя встреча... лишь эта мысль не позволяла забрать слова назад.

– Да, конечно, но мне совершенно нечего надеть, – развела руками гостя, будто извиняясь, и неловко топталась на коврик у ванной, придерживая за края широкое полотенце.

Она недовольно глянула, когда на постели гостевой комнаты оказалась стопка женской одежды.

– Даже не вздумай спрашивать, откуда у меня эти вещи, – предупредил Слава её возмущённый взгляд.

Тут же схватил пару маек, домашние штаны, сорвал этикетки и втолкнул Аде прямо в руки.

– Жду тебя внизу, – порывисто бросил на выходе из комнаты и хлопнул дверью. Ну а встретил её у самой лестницы, как только спустилась.

Слава нервно повёл плечами, понимая, что идея познакомиться поближе была явно лишней. А вот Ада так не считала. Она демонстрировала довольство и сияла обворожительной улыбкой. Будто её пригласили не на чай с бутербродами, а предложили, как минимум, пару путёвок на острова.

– Ты живёшь один? – озвучила гостя свои догадки, дефилируя к дивану.

Присаживаться она не стала, лишний раз окинула дом придирчивым взглядом и, с чем-то мысленно согласившись, удовлетворённо кивнула. Казалось, ответа и не ждала вовсе, но в его лицо заглянула заинтересованно, и ответить пришлось.

– Пока один.

Слава, склонив голову набок, пожал плечами. Ада тут же тихо рассмеялась. Будто прочла его мысли. Будто поняла полутона.

– Кажется, перспектива разделить с кем-либо свою территорию не очень радужна. Или я неверно истолковала это твоё «пока один»?

Подобным вопросом она только усилила догадки и вызвала очередную порцию мужского раздражения. И это, кстати, уловила тоже. Кажется, Аду происходящее забавляло.

– Просто не люблю лишних людей вокруг себя, – недовольно пояснил он. – И суету не люблю. Бесполезную суету. Она только раздражает.

Слава сделал пару шагов навстречу и спрятал ладони в карманах брюк, пытаясь для себя понять роль этой женщины в своей жизни. А она будто специально красовалась под его взглядом, представляя себя в более выгодном ракурсе. «Хочет сменить спонсора» – посетила резонная мысль, и Слава оскалился. Ада в ответ на легко читаемую улыбку приподняла и изогнула одну бровь.

– Вот как? – вызывающе прошептала.

Она приблизилась к кофейному столику, на котором весьма некстати оказалась ваза с фруктами. Ваза не вписывалась в предложение выпить чаю, но это Слава осознал только сей-

час, после её понимающей улыбки. Из небогатого набора гостя выбрала апельсин, обхватила его длинными пальчиками.

– А вот я люблю, чтобы было шумно! – закусила она губу, не пытаясь вырваться из мыслей. – Чтобы громко, ярко. Чтобы толпа людей вокруг, и улыбки... Море белоснежных улыбок, направленных в мою сторону. И шёпот за спиной...

Гостя бросила на Славу короткий озорной взгляд.

– Чтобы боялись посмотреть в глаза, чтобы сплетни рождались одна за другой, – широко улыбнулась его прищур. – Ведь в толпе незнакомых, чуждых тебе людей так легко затеряться и в полной мере прочувствовать боль одиночества... О-о... Это сладостное чувство...

Ада мечтательно закатила глаза, эротичным стоном выражая восторг.

– Вот так, сидя в собственном огромном доме, вовсе не одиночество посещает тебя, – печально добавила она. – Это не оно. В гости навевается жалость, сострадание к собственной никчемности, а в толпе... Всё так остро! Будто тончайшее лезвие, разрезающее тонкую кожу, проникающее в ткани. Сразу азарт, а потом боль! – Ада вызывающе хмыкнула. – Ноющая, пульсирующая. И утихает она лишь после того, как рану стянуть.

Гостя добела закусила губу, а потом вернулась. Вернулась из своего мира, и наваждение схлынуло, оставляя на лице лишь блуждающую улыбку.

– Значит, у тебя намечаются изменения в личной жизни, – заключила она в итоге и деловито кивнула.

– Как хорошо разговаривать с человеком, который понимает тебя с полуслова, – со значением добавил Слава, не пытаясь скрыть иронию, и отправился за обещанным чаем.

Чувствовал, что в спину упирается тот же взгляд, который он открыл для себя ещё в ванной комнате – Ада его рассматривала. Изучала каждое движение, каждую скользкую интонацию. Улавливала и то, что сказать бы и не хотел, но от неё скрыть истину отчего-то не получалось.

– Умеешь играть? – подошёл Слава, вроде и не таясь, но Ада отчего-то вздрогнула, будто успела забыть о его присутствии.

Она стояла у рояля. Шикарный инструмент остался в качестве бесполезного подарка от прежних хозяев дома. Рояль вписывался в интерьер, да и заниматься его перепродажей, транспортировкой было как-то не с руки, оттого и оставил.

Когда Слава только вошёл, гостя водила изящным пальчиком над его поверхностью, будто не решаясь притронуться. После оклика вздрогнула, перевела на хозяина дома взгляд и не сразу сумела справиться с эмоциями – глаза горели. Они горели азартом, страстью, каким-то сумасшедшим огнём. Прежде он не раз видел этот взгляд. Ну, не этот, конечно, такой же. «Ещё секунда, и оргазм» – самая лестная характеристика этим глазам. Сейчас отчего-то был уверен, что не каждый мужик может довести Аду до такого состояния, а вот инструмент справлялся безупречно.

– Играешь? – уточнил он как извинения за то, что посмел отвлечь.

Слава сам приподнял крышку над клавишами, устанавливая её в правильное положение. Под вождевающим женским взглядом прикоснуться к ним отчего-то не решился, хотя иногда любил провести пальцами по всему ряду, не заботясь о сохранности настройки.

Он сделал попытку улыбнуться, но в этот раз Ада не поддержала. Её взгляд потух, а вот напряжённость теперь читалась весьма и весьма явно.

– Что-то не так? – Слава склонил голову набок, а гостя отмахнулась. Правда, брагировать и не пыталась. Устало поджала губы, чуть дольше, чем должна была, держала глаза прикрытыми, а потом медленно выдохнула.

– К сожалению, я не играю, – открестилась, но в голосе слышалось какое-то сожаление. – К тому же у такого инструмента должен быть только один хозяин!

– Брось, ты просто не видела, у кого я купил этот дом и... что сказать, думаю, его использовали лишь для того, чтобы заниматься сексом. Высота подходящая, – добавил Слава в ответ на скептический взгляд.

Ада усмехнулась. Потом только опомнилась и уставилась на него.

– А ты? Владеешь?

– Я? Нет. Таких пристрастий как-то не возникало, – категорично откестился он.

Даже руками повторил подобный жест. А потом облокотился на рояль и тут же отметил, как Ада напряглась. Беззвучно рассмеялся.

– Что? Порядочным людям не престало так обращаться с музыкальным инструментом? – не скрывая издёвки, Слава нагло ухмыльнулся.

– Мне всё равно. В конце концов, это твой рояль, – пробубнила Ада и отвернулась, явно не зная, чем себя занять, чтобы скрыть нервозность. – Ты предлагал чай? – добавила в голос уверенности. – Кажется, он уже остыл...

Гостья двинулась в сторону дивана, правда, к предложенному напитку так и не притронулась. Всё смотрела на Славу, стоящего у рояля в непринуждённой позе. Ада едва нахмурила лоб, когда он всё же коснулся клавиш. Небрежно, будто прощаясь с инструментом, и дёрнулась всем телом в момент, как тот поймал её на подглядывании.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросил и нагло ухмыльнулся оттого, что Ада замешкалась. Ведь приоткрыла губы, а что сказать – не знала.

Что-то прикидывая в уме, Слава всё же отвернулся, не желая заводить гостью за пределы смущения. Но ответа ждал. И он сам, и она это знали наверняка, потому напрягся всем телом, как только Ада шумно выдохнула, придя к какому-то мысленному результату после недолгой борьбы с собой.

– А ты когда-нибудь любил?.. – тихо проронила она, и этот вопрос заставил пакостно оскалиться.

Подобные игры Слава давно не признавал и, стоит отметить, в госте разочаровался. Правда, вида не подал, так и стоял, опираясь на рояль, уставившись в густую темноту за окном гостиной комнаты.

– Даже не знаю, что и сказать... – напряжённо пробормотал он, ожидая продолжения. Выдохнул, развёл руками и покосился на Аду через плечо. Гостья улыбалась.

– А я любила! – громогласно заявила она и вальяжно устроилась на диване.

Ада раскинула руки в стороны, задрала подбородок, уютно уместив затылок на подголовнике, смотрела будто свысока, будто с негласной претензией. В ответ на постную мину Славы, расхохоталась.

– И, знаешь, наверно, это было лучшее время в моей жизни! Что чувствует человек, когда он влюблён? – гостья наклонилась чуть вперёд, призывая к более эмоциональному ответу. Слава отозвался, он развернулся к ней корпусом и глянул с прищуром, будто пытался найти подвох.

– Не знаю. Может, ты мне расскажешь? – вкрадчиво проговорил, на что Ада гневно сверкнула глазами.

– И я не расскажу! – с досадой выдохнула она, после чего неопределённо махнула рукой и снова откинулась к спинке. – Это нельзя передать словами, можно только почувствовать. Закрывать глаза и вдохнуть удовольствие полной грудью, позволяя ему захватить себя. Невозможно передать словами, потому что в тот момент тебя больше не существует – рождается новый человек. Счастливый, беззаботный. Как бабочка...

Ада грустно улыбнулась.

– Жаль, что у всех бабочек один печальный конец... И приходится вновь волочить бречное тело, проживать бессмысленную жизнь. Ты согласен с тем, что без любви нет смысла? –

она тут же подобралась. Смотрела так, будто от ответа зависит следующий вдох. Слава, пусть и нехотя, но согласно кивнул.

– Скорее всего, что так...

– Ну вот... ты тоже несчастен. Я поняла это, как только увидела тебя, – сделала она мгновенное заключение. – Счастливый человек ничего вокруг себя не замечает, движется к намеченной цели, а ты...

– Что я? – раздражённо перехватил Слава. Ада мягко улыбнулась.

– А ты пьёшь чай с абсолютно незнакомой женщиной вместо того, чтобы спокойно спать в собственной постели. Ведь ты устал. Ты хотел отдохнуть. Ты хотел забыться и на какое-то время потеряться в этом сне. Как думаешь, почему остался здесь, со мной? Тебе ведь всё равно...

– Ты не ответила на мой вопрос, – не желая путаться в витиеватых рассуждениях гостьи, Слава холодно усмехнулся и сменил позицию, перебравшись в кресло уютного гарнитура. Он придвинул чашку чая к себе и сделал глоток.

– Разве не ответила? – удивилась Ада и пожала плечами. Выглядела при этом совершенно растерянной. Она провела руками по светлым волосам, оглянулась по сторонам, будто не понимая, где находится, и снова пожала плечами. – Ты похож на мою первую любовь. Незабываемые впечатления. К сожалению, нам не суждено быть вместе...

– Это удел первой любви. Она всегда остаётся в прошлом в виде приятного воспоминания, – всё же согласился Слава, поддерживая женскую уязвимость. – Он тебя бросил?

– Я бы не назвала это так... Просто не взял с собой.

Плавающий взгляд заострился, размытая улыбка приобрела чёткие очертания. Ада снова стала собой: роковой обольстительницей, которой хотела быть сегодня.

– Ты знаешь, где он сейчас? У него семья, дети?

– Ни семьи, ни детей. А сам он в Европе. Навсегда останется там.

– И, дай угадаю, к себе не зовёт?

Ада рассмеялась.

– Не зовёт. Никогда не позовёт. А сама я не поеду. Боюсь.

– Чего?

– Того, что прошлое вернётся... – то ли спросила, то ли всё же ответила она на вопрос. – То самое чувство, что ты кому-то должен, а долг этот отдать не можешь по простой причине: не знаешь, чего от тебя хотят.

– Кажется, мы договорились до того, что он тебя оставил.

Ада неодобрительно покачала головой.

– Можешь ли ты себе представить, что с человеком способны сделать обстоятельства? – лукаво улыбнулась она, ничего не желая объяснять. – Иногда обстоятельства бывают сильнее нас.

– Не скрою. Едва ли видел свою старость в подобном моем доме, с собакой у кресла и камином в полстены.

– И с нелюбимой женой! – с удовольствием поддакнула Ада, чему Слава только улыбнулся. Правда, головой покачал отрицательно.

– Иногда неопытность может влиять на наши слова, на рассуждения. И то, что сейчас тебе кажется очевидным и единственно верным, вскоре становится весьма и весьма туманным.

– То есть свою девушку ты всё же любишь?

– Возможно, совсем не той любовью, которая присуща мечтательным особам и неопределившимся юношам, но люблю. Было бы странно, утверждай я обратное, – удивился Слава недоверчивой улыбке, а Ада не впечатлилась. Она не оценила откровения, и рассуждения даже отдалённо не считала верными.

– Ты говоришь о ней с налётом обречённости. Будто сойтись с кем-то приходится по воле случая либо по чьей-то чужой воле. Дай угадаю, от её отца зависит успешность твоего бизнеса? – Ада закусила губу, желая скрыть издевательскую усмешку.

Слава оценил уловку, но на попытку раззадорить отозвался без особого энтузиазма.

– К счастью, мой бизнес не нуждается в подобных связях, да и её отец едва ли способен на что-то повлиять. Там совсем другие интересы.

– Неужели я сейчас услышу историю Золушки? – поёрзав на диване, гостя подобрала под себя ноги и подпёрла подбородок кулачком. Играла и переигрывала, вызывая улыбку.

– Не услышишь. Она – состоявшаяся личность. Сама построила карьеру, пусть и в модельном бизнесе.

– Так, она модель?! – разочарованно воскликнула Ада и обиженно надула губы. – А я чувствовала в тебе скрытый потенциал, – призналась ровным тоном. Слава уже вовсю улыбался. – Нет, ты, однозначно, достоин лучшего!

– Например, тебя? – догадался он, но Ада не одобрила шутку.

– Нет, – ответила чрезмерно ровно и спокойно.

Она заложила локон волос за ухо, в попытке расправить мягкий трикотаж домашних брюк, провела ладонями по коленям.

– Я бы на твоём месте не бросалась такими опрометчивыми заявлениями. В конце концов, ты меня совершенно не знаешь! – заявила абсолютно серьёзно, посмотрела с укором и казалась не на шутку возбуждённой его словами. Правда, эмоции умело скрывала и выдавала лишь то, что в подобной ситуации сочла необходимым минимумом.

– Что мне мешает узнать тебя лучше? В конце концов, сейчас мы наедине, и вся ночь впереди, нет?..

– Что ты! Я особа впечатлительная и психически неуравновешенная. Неужели ты забыл, что подумал обо мне при первой встрече? – искренне удивилась Ада, заставляя Славу смутиться подобной проницательностью.

Что тут скрывать, он без малейших колебаний определил её в разряд людей из мест пусть и не столь отдалённых, но достаточно печальных. И странный взгляд, и замысловатые беседы убеждали его отнюдь не в обратном. Да. Она была похожа на сумасшедшую. Классическая сумасшедшая со своими рассуждениями о жизни и роли каждого человека в ней. И лишь редкие острые взгляды напоминали о том, что Ада всё понимает слишком хорошо, чтобы думать о ней так плохо.

Опомнившись, оторвавшись от собственных мыслей, Слава прокашлялся и смог вернуть голосу твёрдость, а улыбке проницательность.

– Кстати, может, ты как раз поведаешь о том, как оказалась одна на пустынной дороге в столь неподходящем наряде? Да, твоё платье было идеально, макияж безупречным, украшения выделили бы тебя даже на приеме у королевы, но ты была одна. В открытых туфлях, в шелковом наряде, который не добавлял тепла. Шубка, конечно, создавала видимость уюта, но иней на ресницах и длинной чёлке никак не навевал мыслей о тепле и комфорте. Как оказалась там, почему? Что помешало вернуться туда, откуда пришла? Любовник наказал таким образом или ты жаждала острых ощущений?

– Ты мыслишь шаблонно, что противопоказано для успешного ведения бизнеса, – коротко обозвалась Ада, а потом блаженно закрыла глаза. Её губы тронула мягкая улыбка, а плечи расправились, демонстрируя полную свободу. – Это был тот самый порыв, о котором я говорила вначале. Тот страшный момент, когда ты почувствовал себя одиноким среди толпы.

– Весьма интересная интерпретация. А можно подробнее?

– Конечно, – улыбнулась она и всё же раскрыла глаза. – В нашем доме был приём. Меня каждый раз удивляет наличие гостей, их несметное количество. Многих я даже не знаю, а, порой, и тех, кого знаю, не в состоянии узнать ни по голосу, ни с лица. Я почувствовала себя

среди них лишней. Понимаешь, такое состояние... когда наступает непреодолимое желание уйти?

В его глазах Ада искала поддержки, и Слава понимающе кивнул.

– Допустим.

– Я просто хотела отдышаться. Грудь будто сдавило тисками и никак не желало отпустить. Думаю, это было чувство обречённости. Ненавижу его. Не желаю осознавать, будто что-то в жизни зависит не от меня.

– И ты решила исправить эту несправедливость? Уйти раз и навсегда? – усмехнулся Слава, на что Ада глянула с явным недовольством.

– Я просто вышла на балкон подышать! – вроде и оправдывалась она, но делала это с необъяснимой настойчивостью. – Вышла, и вдруг стало так хорошо, так легко... Мороз приятно щипал щёки, ладони, обдавал холодом грудь. Я и сама не заметила, как побрела навстречу этому чувству. Знаешь... такое... будто вышел на прогулку с хорошим другом, держась за руки. Шла и шла. И чем дальше была от собственного дома, тем яснее видела своё будущее.

– Ну да. А почему нет? Замёрзнуть на дороге – весьма светлая перспектива для молодой цветущей женщины.

– Тогда я об этом не думала!

Ада обиженно надулась и показательно отвернулась в сторону.

– Мне было хорошо. Чего ещё стоит ждать от жизни?! – выставила она упрёк, на который непременно желала получить ответ. Слава нахмурил лоб и почесал затылок, пытаясь уложить её слова в общепринятую картину мира.

– Ты, наверно, очень удобна для отношений. Никогда не требуешь больше того, что имеешь.

– Напрасно ты так думаешь, – Ада смешливо фыркнула. – Совсем наоборот. В попытке получить благосклонность, меня забрасывают дорогими безделушками! – раздражённо улыбнувшись, она нашла взглядом свою шубку, которую, как точно помнила, оставила на полу прихожей.

Теперь же видела её совсем недалеко, в одном из кресел гарнитура. Рядом с шубкой, на подлокотнике в искусственном свете сверкало кольцо. И серьги, которые бросила на полу ванной комнаты, тоже были рядом. В отместку за то, что приходится смотреть на атрибуты своей красивой жизни, Ада бросила на Славу гневный взгляд, но вздохнула ровно.

– Только есть ли смысл в этих подачках, если я не чувствую удовлетворения? Если в душе нет покоя? Напрасная трата денег, не вызывающая должного восторга.

– То есть купить твои чувства под силу не каждому.

– Смотря какую цену предлагать в обмен на них. Искренность в человеке всегда считалась лучшей добродетелью.

– Ты сама-то бываешь искренна?

– Что за вопрос. Конечно! Вот сейчас. С тобой. Ты спрашиваешь, и я отвечаю, ничего не требуя взамен.

– Так уж и ничего? – хитро улыбнулся Слава и понял, почему Ада, излучая лукавство, сползла по дивану, устраиваясь на нём лёжа.

Озорно оглянувшись на него через плечо, эта чокнутая подмигнула.

– Разве только чуточку отдачи. Мне нравятся твои откровения.

– Откровения? Когда успел? Не помню такого...

– Ну, как же... Было бы забавно посмотреть, как на вопрос любишь ли ты свою девушку, ответил ей про ту самую... другую любовь... Ведь она хочет, ждёт от тебя полной отдачи. Когда целиком, без остатка. Как в молодости. Правда, смею усомниться, что она сама в состоянии дать тебе нечто подобное.

– Ты её даже не знаешь.

– Но я уже знаю тебя, и твой выбор, как бы странно это ни прозвучало... он очевиден. Вы играете в любовь, маскируя этим чувством банальную потребность друг в друге. Тебе она нужна для создания иллюзии счастья, благополучия, стабильности. Ты ей, скорее всего, для материального обеспечения, для удовлетворения собственного эго, возможно даже, но утверждать не берусь, что для рождения детей. На женщин иногда находит такое состояние, когда она непременно должна чувствовать себя кому-нибудь нужной.

– Отличная, кстати, идея. Ты могла бы родить ребёнка и не чувствовать того одиночества, о котором любишь порассуждать на досуге, – Слава прищёлкнул пальцами, вызывая на красивом лице негодующую улыбку.

– Несчастен тот человек, который из всех благ на свете может одарить своё дитя лишь материальными, – припомнила Ада слова философа, о которых буквально этим же вечером думал и сам Слава. Правда, в несколько иной интерпретации, но главное смысл... смысл остался неизменным. И это заставило глянуть на Аду с большим интересом, с иным намерением. – А делать своего ребёнка несчастным я не хочу.

– Ты не похожа на женщину, которая в принципе думает о других.

– Надеюсь, это такой неудачный комплимент? – жёстко усмехнулась Ада. – Мне наплевать на людей вокруг, тут ты прав. Но у каждого, у каждого, без исключения, человека есть черта, которую он не переступит. Для меня это дети. К счастью, их у меня нет.

– Не слышу радости в голосе.

– А разве я сказала, что рада этому? Мне тридцать. И время уже давно играет за другую команду. По мне бы, так ещё лет пять назад стоило обзавестись парой ребятишек, но всё те же обстоятельства... помнишь, я не так давно говорила... – Ада заглянула в глаза, заставляя отозваться молчаливым согласием. – Обстоятельства делают меня такой, какая я есть.

– Так рассуждают только слабаки. Разве нет? Я могу думать о тебе что угодно, но едва ли посмею обвинить в слабости характера.

– А я говорю вовсе не о тех обстоятельствах, которые призывают совершать поступки.

– А мне кажется, просто пытаешься спрятаться за вшивыми отговорками. Такие, как ты, всегда сами лепят своё счастье. Не устраивает любовник? Найди другого! С этим задыхаешься – попробуй порхать вольной птичкой. Кто знает, может, уже очень скоро ты вспомнишь свою сладкую жизнь другими словами.

– Да с чего ты взял, что она сладкая?! – Ада возмутилась в голос. – Глядя на тебя, тоже не скажешь, что в жизни существуют проблемы, кроме как, какую же шлюху выбрать на эту ночь. Что?! Никто подобного не говорил? Может, даже не знаешь почему? Что ты из себя представляешь, «просто Слава»? А что ты можешь из себя представлять? Никогда не задумывался?

Она с отвращением скривилась, окидывая Славу придирчивым взглядом, и, демонстрируя нарастающий азарт, провела языком за нижней губой.

– Давай я тебе расскажу: ты стремишься ни в чём не выделяться. Средний бизнес, хотя вполне можешь себе позволить развернуться широко и растоптать немалое количество конкурентов. Средний по размерам и убранству дом, но это вовсе не значит, что не мог себе позволить что-то более роскошное, изысканное, с замысловатыми архитектурными решениями. Так себе машина, так себе костюм... Что это? Вот это нежелание быть лидером при явных авторитарных замашках?

Ада неодобрительно хмыкнула и перевернулась на бок.

– Ты можешь быть главным везде и во всём, но тебя устраивает эта скромная жизнь без излишеств. Твои глаза сейчас гневно сверкают, но ты молчишь! Только бы не ввязаться в спор. Ты и далее промолчишь, потому что предпочитаешь сделать вид, будто я ошибаюсь в этой характеристике. Что это? Что тобой движет? Страх взять на себя ответственность? Может, так? Но что-то я сомневаюсь. Такие люди с глубинным страхом внутри никогда не создадут что-то новое, что-то своё. В крайнем случае, станут отличными руководителями на наёмной

должности. Значит, не то. Значит, это страх упасть. Но он возникает лишь в одном случае: если ты уже падал.

Выдержав его прямой, скупой на эмоции взгляд, Ада грустно усмехнулась.

– Уверена, обо мне ты можешь сказать не меньше, но, опять же, предпочитаешь не блистать умом и наблюдательностью. Только бы навсегда остаться таким вот «средним парнем», которого я однажды встретила на дороге. Но уже не получится.

– Не получится? Блесни умом ещё: расскажи почему? – Слава выгнул одну бровь, в совершенстве демонстрируя требовательную натуру, которую, как верно подметила Ада, уже много лет предпочитал скрывать и считал, что делает это вполне успешно.

– А всё просто. Я не люблю, когда на меня смотрят вот так, будто на пустое место, – пеняя, Ада кивнула в его сторону. – А, значит, чем бы ни закончилась наша сегодняшняя встреча, очень скоро я к тебе вернусь. Скажу больше: рад ты этому не будешь. Не обрадует тебя и третья наша встреча, и четвёртая, но когда мне что-то очень нужно, я становлюсь просто до чёртиков настойчивой! И плевать хотела на то, как моя настойчивость выглядит со стороны.

Я буду приходить к тебе снова и снова, потому что уже хочу этого. Даже не могу объяснить подобное желание. Пусть это будет навязчивая идея, пусть! Но ты мне нужен. Я уже сейчас это знаю. А потом и ты привыкнешь ко мне. Привяжешься. Намного сильнее, чем привязан к своей девушке. Кстати, её здесь нет... почему? Хотя можешь и не отвечать, мне на это плевать. На неё и на ваши отношения.

– Для чего я тебе так необходим? – прервал Слава эмоциональный монолог, и Ада резко выдохнула. Так, будто вынырнула из-под воды, и посмотрела сумасшедшим взглядом.

– Ты похож на мою первую любовь! – дерзко улыбнулась она. Тут же подскочила с места и только у лестницы обернулась, возможно, ожидая ответа, возможно, пытаясь рассмотреть этот ответ в его глазах.

– Считаешь, после такого признания я смогу уснуть? – усмехнулся Слава в странном стремлении её задержать. Хотя бы на минуту, на секунду дольше, чем она сама того хочет.

– Очень рассчитываю на то, что спать тебе сегодня не придётся, – подмигнула Ада, вильнула бёдрами и поднялась по лестнице, спасаясь от опасной провокации.

Она спровоцировала. А он должен был решить: отвечать ему или не отвечать. Казалось бы, выбор прост, но истина таилась намного глубже. Эта истина срослась с внутренностями, окопалась глубоко в тканях и там жила.

– А хрен тебе, милая! – тихо пробормотал Слава в пустоту дома. – Меня и так всё устраивает.

С отвращением к самому себе он, не прекращая чертыхаться в сторону новой знакомой, отвернулся от лестницы. Свалилась же эта Ада ему на голову! Почему-то её словам Слава верил. И обещаниям верил. А ещё... ещё он хотел увидеть её. Снова. И узнать, что же такого она вздумала привнести в его размеренную жизнь.

Проклятый запах драйва, адреналина, который вот-вот примется таранить сознание, проник в мозг. Этот запах заставил победную ухмылку расползтись на вечно недовольном лице. Он давно забыл её, а сейчас эта ухмылка вытягивала всё гнилое нутро на поверхность. Сумасшедшая? Пожалуй, так. А он чокнутый псих, если сейчас не выставит её за двери собственного дома!

Глава 2

Очередной раз чертыхнувшись, Слава, устало опираясь ладонями о колени, поднялся с дивана. Он мученически вздохнул, разгибая спину, и мысленно взвыл, проклиная себя за нерешительность. Он шёл, отсчитывая ступени, и всё думал, думал. И лишь спрятавшись за дверь собственной спальни... Ведь спрятался, иначе и не скажешь... Только оказавшись в своём убежище, зло рассмеялся, признавая, что нерешительность давно уже ни при чём. Он хотел, чтобы его расшевелили. Чтобы хорошенько пнули, заставляя двигаться.

Десять лет – это срок, а у него время уже давно минуло этот предел. Для его прежде неужённого характера, крутого нрава, этот срок казался пожизненным. Сам бы никогда и не решился сделать шаг в сторону свободы, выглянуть за пределы заточения, в которое сам же себя и заключил, а вот так... Когда тебе открыли дверь и потянули за руку... Мало кто из его сегодняшнего окружения на это решится. Кто-то и не догадывался, с кем имеет дело. Кого-то устраивала эта его амебоидная сущность, а самому снилось... каждую ночь снилось, что он прежний. Живой.

Устроившись в постели, Слава отчего-то ожидал скорого появления гостьи. Наверно, это было бы проще всего: переспать прямо сейчас и забыть, ведь двигаться в таком случае вроде как уже некуда... Очередная иллюзия. Ведь секс – это тоже своеобразное начало. Начало проблем, взаимных претензий, недомолвок. С Мариной так и было. Правда, стоит отдать должное, она свою роль играла на отлично. Выдержано, харизматично. Этакая невеста успешного человека среднего... Слава с горечью ухмыльнулся... человека среднего звена! И это с его-то пожизненным стремлением быть лидером везде и во всём!

Да. Обстоятельства. Они действительно меняют. Прежде казалось, что обстоятельствам подвержены лишь слабаки. Себя к ним Слава отчего-то до сих пор не относил, а стоило бы. Испугался. Первого серьёзного провала испугался. Так, что до сих пор не смог отойти. Только Ада и напомнила, каким был.

Часы на прикроватной тумбочке показывали глубокую ночь, когда Слава окончательно понял: она не придёт. Верно, у вздорной девицы подобного в мыслях не было, а вот он отчего-то ждал. Только здесь зудело не привычное желание получить разрядку, а странное томление. Прежде он и слов-то таких не знал, не представлял, как можно воедино сплести желание и то самое томление, а теперь этот тандем, будто заезженная пластинка, крутился в голове без устали.

По жизни это чувство посещало и не раз. Перед тренировкой. Когда мышцы, ожидая очередную порцию нагрузки, начинали ныть, жаждали почувствовать разгоняющее кровь тепло. Тепло появлялось, а эта жажда только усиливалась, наливая тело непривычной тяжестью, прогоняя лень. Внутри уже становилось горячо, и вот этот жар достигал поверхности кожи – она получала свою порцию удовольствия в последнюю очередь. Отзывалась щекочущим покалыванием, едва заметным раздражением в нервных окончаниях, и наступал тот долгожданный момент, когда тепло побеждало. Оно окутывало тебя, владело тобой, двигало брренное тело к совершенству... Сейчас Слава даже бег по утрам забросил. Того и гляди, через пару лет впору будет покупать подтяжки. Неудачник!

Сегодня, именно сейчас он вдруг понял королей, которые всегда держали при дворе человека, способного высказать всю правду в лицо. Это бодрит, это заставляет бороться, стремиться к лучшему. Для Славы таким человеком стала Ада. Совершенно неожиданно и оттого остро. Чего хотела добиться – хрен её знает, а вот задела! За живое. То живое, которое, казалось, давно потеряло силу сопротивления. Истончилось и не напоминало о своём существовании.

Всё перевернула! И увела почву из-под ног. Ничего хорошего её появление не предвещало, и оттого, несмотря на, казалось бы, очевидные плюсы, вдруг захотелось отступить. Бла-

горазумно и правильно. Так, как и должен поступать самостоятельный, состоявшийся человек. Азарт однажды привёл Славу в упадок. Кому сказать спасибо, что выкарабкался, до сих пор не знал, а вот Ада снова тянула его на ту шаткую дорожку, которую давно научился обходить стороной. С этим надо что-то делать. Например, забыть. Просто забыть.

Сквозь сон Слава услышал тихий голос. Нежный и ласковый. Незнакомый. Он окутывал печалью, разливал страдание. Плавная мелодия манила, зазывала на себя. Слава резко подскочил в постели, тряхнул головой, но звуки не исчезли, а, наоборот, стали чётче, громче. Он прислушался. Конечно же, это был рояль! Отчего-то свой инструмент он не узнал. Марина тоже играла, причём довольно неплохо, но сейчас инструмент звучал будто иначе. Он стал покладистым, укротил нрав и боялся демонстрировать недовольство. И был готов на всё, только бы продолжали играть.

Сам Слава брэнчал на гитаре и то, как инструмент чувствует музыканта, знал не понаслышке. Оставленный в придачу к дому рояль не поддавался, то и дело капризничал, а вот сейчас нашёл ту твёрдую руку, которой готов покориться. А ведь Ада утверждала, что не умеет играть...

Захотелось на неё посмотреть. Не подойти, ни в коем случае! Только глянуть издали и что-то для себя понять. Ведомый мелодией, он вышел в коридор, приблизился к лестнице. Звучали последние аккорды старинного романса. «В лунном сиянии снег серебрится...»

Именно так он начинался, а дальше Слава и не знал, но мелодию помнил точно. Приглушённый свет гостиной комнаты практически поглотил хрупкую женскую фигуру. Ада была в платье. В том самом, с которым, как утверждала, не справится самостоятельно. Правильно: к такому инструменту не стоит приближаться в пижаме...

Последние звуки стихли. Напряжённая спина гостьи вытянулась, пальцы погладили крышку, скрывающую клавиши, и опустили её с тихим хлопком. Несколько секунд молчания отозвались необъяснимым холодком, что путешествовал по оголённой спине. Слава напрягся, хотя едва ли мог как-то оправдать подобную реакцию.

Ада сидела недвижимо, будто замерла на месте, но что-то в её силуэте, во всём образе было не так. Спустя мгновение она вскинула руки, чтобы изящным движением кончиков пальцев провести по гладкой поверхности инструмента. И столько нежности было в этом прикосновении, столько трепета, что, казалось, не встретишь на свете более беззащитного существа, чем она сейчас. Мягкая и ранимая. Настолько непохожая на ту, которую старательно демонстрировала несколько часов назад.

Пальцы задрожали. Хотя, пожалуй, если бы они просто дрожали, Слава едва ли смог бы это заметить. Нет. Они завибрировали. Тут же дрогнула и ровная спина, поджались расправленные до этого плечи, и раздался тихий протяжный вой. Ада с нескрываемым облегчением рухнула на выступ рояля и зарыдала. Не жалея слёз, не жалея тонкого голоса, который грозился сорваться в любое мгновение. Она рыдала, захлёбываясь горем, страданием, непреодолимым несчастьем. Так неожиданно, что Слава даже не понял, что нужно делать, так и стоял истуканом, подглядывая за чужой, незнакомой ему жизнью.

Стоял. Но в какой-то момент буквально приказал себе отступить. Он ей не нужен. И она ему не нужна. И проблемы её не нужны тоже. И причин странного поведения он знать не желает. У каждого из двоих свои жизни, свои судьбы, которые в какой-то момент пересеклись. Случайные люди. Так бывает. Ему должно быть всё равно!

Утро встретило Славу горячим кофе и какой-то невероятно соблазнительной улыбкой. Ада хотела соблазнять. Чистое, без капли косметики лицо. Светлый взгляд. Утром глаза у неё были зелёные. Яркие, как сочная трава ранней весной. Видимо, неплохо освоившись в его доме за утро, она успела найти комнату Марины и выбрать из её гардероба что-то подходящее

сегодняшнему настроению. Иначе объяснить широкого кроя удлинённую рубашку на голом теле Слава не мог.

От понимания происходящего Славу буквально подбросило в постели. Ада рассмеялась, но немного отступила – сползла к подножию кровати. И этот её шаг назад... ведь только что лежала совсем рядом... Этот шаг был как подкуп, когда тебе тычут в руки конверт и ты понимаешь, что там есть, что брать нельзя. И даже осознаёшь, что за этим начнутся обязательные последствия, условия, которые подрядишься выполнить, а отказаться не можешь. Так и он сейчас – знал, что, отступив сейчас, гостя вернётся. Вернётся, чтобы надавить с двойным усилием. Но Слава не мог, просто не мог сказать об этом прямо, и как ручной котёнок готов был поддаться ласке.

Только котёнком ни по сути, ни по жизни он не был и несмотря на то, что отказался от запредельных амбиций, в тряпку не превратился. Глянул на Аду без тени эмоций, а потом махнул на всё рукой и брезгливо поморщился.

– Доброе утро, – улыбнулась она, бессовестно анализируя явно неудавшийся ход. Слава смерил нахалку взглядом.

– Тебе не идёт эта роль, – сказал он, будто выругался. После встал с кровати и тут же направился в душ, в скромном желании привести себя в порядок.

– Я всего лишь приготовила кофе! – не унималась Ада, смыв остатки сна, Слава вернулся в комнату.

Он тут же натянул на голое тело тонкий свитер. Ближайший из тех, что стопкой лежали на полке шкафа. Обернулся, когда Ада уже ждала ответ. С каким-то остервенелым удовольствием ждала.

– Я не пью кофе, так что номер не удался.

– Не пьёшь кофе? – рассмеялась она, в один миг растеряв всё напряжение. – Шутишь? Или нет, не так: обманываешь! Даже интересно зачем?

– С дурными привычками стоит бороться. Не слышала о таком?

– Ты говоришь глупости! – возмутилась Ада и словом, и жестом. – Можешь сейчас сколько угодно строить недовольное лицо, но своим глазам я верю больше, чем твоей неумелой игре. И мои глаза видели, как ты ещё во сне потянулся на этот запах. И крылья носа расширились, и язык скользнул по губам, точно зная, какой вкус ему предстоит оценить через мгновение.

– Ни в коем случае. У меня больное сердце, и врач запретил злоупотреблять.

– Ты не похож на сумасшедшего! Кто в здравом уме готов отказаться от кофе?

Казалось, Ада была искренне удивлена, что и старалась продемонстрировать. А потом она как-то вдруг повеселела, расслабилась, поднялась к изголовью и глянула с превосходством.

– Неужели ты злишься? – задалась вопросом и как бультерьер вцепилась взглядом, не позволяя ни пошевелиться, ни сделать попытку уйти от разговора.

– Даже интересно знать, за что я могу злиться?

– Ждал меня этой ночью, ведь так? – шумно выдохнула она, чем выдала хоть и мизерную, но всё же существующую долю сомнения в своём весьма утвердительном вопросе. Так, что и отнекиваться не вышло.

– Не скрою, был бы не против увидеть тебя на пороге комнаты.

– Ждал, – утвердительно повторилась она. – А я собиралась прийти, правда.

– Мне стоит спрашивать, что тебя остановило?

Сейчас ей захотелось выглядеть смущённой, и краска на лице не заставила себя ждать. Проведя секунду в наигранной схватке с собой, Ада всё же отпустила закушенную нижнюю губу.

– Не хотела, чтобы ты принял эмоциональный порыв за простую благодарность, – тихо пояснила она.

– Если честно, мне было бы всё равно, с какими намерениями ты пришла.

– Вот как? Вчера мне так не показалось. Как спалось? – Ада снова напряглась и снова вцепилась взглядом в лицо. Это начало порядком раздражать, но Слава сдержался.

– Было холодно и одиноко, а в остальном как обычно, – скрестил он руки на груди, но приблизиться к двери так и не смог – Ада не позволяла. Манипуляторша хренова!

Осознавая всё это, он психанул и вышел из комнаты, хлопнул дверью.

Матерясь сквозь зубы, Слава едва ли не бегом спустился по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Давно не замечал за собой такой прыти. Уже в кухне он вскипятил воды и заварил зелёный чай. Десять лет его пьёт, и вполне доволен. Это тот самый случай, когда, казалось бы, утро паршивее быть просто не может, но Слава заваривает зелёный чай и понимает: всё светлое осталось позади.

Он ненавидел этот напиток. Ненавидел и пил! Как один из пунктов плана, подлежащий обязательному исполнению. Сам себе когда-то его придумал. Там пунктов десять всего. Десять пунктов о том, как стать другим человеком. Счастливым человеком. О том, как изменить свою судьбу.

Аду в кухне он не увидел – почувствовал. Но обернуться не пожелал.

– Ты всегда такой?

– Какой? – отозвался Слава, по-прежнему стоя к ней спиной. Ада, не дожидаясь приглашения, присела за кухонный стол и продолжала сверлить взглядом мужской затылок.

– Мало кому понравится, когда нарушают его зону комфорта. Будь я на твоём месте, давно бы вышвырнула раздражитель за дверь. Ты сдерживаешь себя, а это неправильно.

– Хочешь научить меня как правильно? – недобро хмыкнул он и покосился на зимний пейзаж за окном. Ада проследила за его взглядом и растёрла ладонями внезапно озябшие плечи.

– Я выражалась образно, – мягко поправив, склонила она голову набок. Поднялась из-за стола и, загадочно улыбаясь, стала у стены. – Ты такой странный, будто проживаешь не свою жизнь. Придумываешь стереотипы и живёшь в соответствии с ними, а внутри, я вижу, чувствую, бушует неуёмная энергия.

– Ты отличный психолог. Я понял. Что мне сейчас стоит сделать? – Слава медленно развернулся к Аде лицом и скрестил руки на груди.

– А как бы ты поступил в случае, когда сдерживать себя необязательно? – ответила она вопросом на вопрос и выглядела предельно довольной собой.

Тут же её глаза азартно сверкнули. Совсем как вчера, в машине. Когда впервые вывела на эмоции. Сейчас Слава понял – это как поощрение, которое следует оценить. И, несмотря на призыв быть настоящим, чувствовал он себя прирученным зверем, ожидающим подготовленный кусочек сахара за отличное поведение.

Глянул на Аду оценивающе. Как мужчина может смотреть на женщину. И сейчас дело было даже не в обнажённом теле под светлой просторной рубашкой и не в вызове, что откровенно читался во взгляде. Ада будто знала тайну соблазнения и бессовестно ею пользовалась. Для этого ей не нужно было ластиться к ладони или демонстрировать желания, способности, не нужно быть благодарной за оказанное внимание. Она оставалась собой. И за всем этим кукольным личиком скрывалась женщина. Настоящая. Говорящая о том, что внешность – не больше чем маска. И эту маску хотелось содрать. Резко. Так, будто он имеет на это право. Не боясь задеть за живое. Она и сама того не боялась.

Не шелохнувшись, когда Слава осторожно двинулся в её сторону. Спустя мгновение, не отводя взгляда, выпрямила спину. Ада задержала дыхание, как только он приблизился вплотную, и надменно фыркнула, когда прикоснулся кончиками пальцев к лицу, когда провёл линию от виска до подбородка.

– Я бы трахнул тебя, милая. У этой самой стены, – прошептал он, склонившись над ухом, и почувствовал лёгкий смешок. – А потом бы действительно выдворил на улицу, и плевать на мороз. Уж кто-кто, а ты точно не пропадёшь.

Слава позволил себе насладиться этой близостью. Путая пальцы в мягких волосах, он завёл ладонь на её затылок и слегка сжал пряди в кулак. Слегка. Только чтобы обозначить своё присутствие и ни в коем случае не обещать большего. Впрочем, чётко осознавал, что и она не ждала. И секса с ним не хотела. Убедился в этом, как только заглянул в смеющиеся глаза.

– Чай? – вежливо уточнил. И только когда Ада отрицательно качнула головой, понял, что так и сжимает её волосы, удерживая их.

Слава разжал кулак и судорожно вздохнул, глядя, как светлые пряди ускользают между пальцев. Как и давно забытое чувство контроля над ситуацией. Точнее, контроль-то остался, ситуация изменилась. И секс приносил иное удовольствие. То, что неторопливо и мягко расплзалось по телу. Неторопливо и мягко. Не оставляя места порывистости, адреналину, взрывающему мозг в момент бурного оргазма. Прежде казалось, что больше не хочется. Даже убеждать себя в этом не пришлось, а сейчас, вот, именно сейчас от этого мимолётного движения в паху заныло до боли.

Наверно что-то подобное отразилось во взгляде, потому что Ада победно ухмыльнулась. Этого и хотела. Только не знала, как добиться. Он тоже ухмыльнулся. И даже развёл руками, вроде как оправдываясь за позорный проигрыш. Слава медленно отступил и позволил ей любоваться на оттопыренные в области паха штаны.

– Чай? – повторил вопрос, уже стоя у плиты, на что Ада нахмурилась, будто не поняла, а потом как-то заторможено махнула головой. Слава понял, что уже придумывала очередной ход, и не стал отворачиваться. Не задел и когда она снова приблизилась к столу, усаживаясь за него.

– А, может, ну её? Эту игру... – проговорила Ада и стиснула зубы от явного напряжения. На этот раз вполне настоящего. – И принципы твои к чёрту! – гневно сощурила глаза. – Давай... давай всего один раз. По-настоящему.

– А потом хоть трава не расти, да? – невольно усмехаясь, Слава поддержал её предложение.

– А потом я просто уйду, исчезну. Тебе ведь так удобно!

Ада склонила голову набок, а её голос принял какой-то просительный тон. Было заметно, что подбородок затрясся, как только Слава отрицательно качнул головой.

– Ну ты же хочешь! – прокричала она, вскочив из-за стола.

– А ты? – тихо проговорил Слава, не поддаваясь на её эмоции.

– А тебе разве не всё равно, чего хочу я? – не справляясь с какими-то своими переживаниями, Ада плотнее сжала губы, чтобы они не скривились.

Понимала, осознавала, что теряет над мужчиной контроль, и попыталась компенсировать этот контроль близостью. Сделала несколько шагов, но стать вплотную не решилась. Остановилась на расстоянии вытянутой руки.

– Ну да, тем более что я похож на твою первую любовь, – злорадно усмехнувшись, Слава всё же отвернулся для того, чтобы заварить чай. И рука не дрогнула в момент, когда Ада всё же сделала последний шаг, обхватила его ладонями с боков и прижалась губами к спине.

– Пожалуйста...

– Пожалуйста, что?.. – попытался он обернуться, чтобы увидеть её лицо, но Ада не позволила: прижалась к спине щекой.

– Это иногда полезно – проигрывать. Мне порой кажется, я и забыла, каково это. Неужели не подаришь такой шанс? – шептала едва слышно и прижималась всё теснее.

– Я не совсем понимаю, о чём ты, – снова, что-то отрицая, Слава качнул головой и почувствовал, как она усмехнулась.

– Просто переспим, и ты выставишь меня за дверь! Ведь мечтал об этом с первой минуты, как мы встретились, – проговорила Ада, когда уже и не ждал ответа, но не возразила и покорно отступила, как только Слава стряхнул с себя её ладони.

Услышав звонок домофона, они дёрнулись. Но если Ада в некой панике замерла, Слава принял это иначе, как возможность отступить от брошенных в горячке слов, и направился в сторону входной двери.

– Не отвечай!

Это Ада выкрикнула вслед и гневно сжала кулаки, понимая, что на оклик Слава не реагирует.

– Я ведь не отступлюсь, ты это понимаешь?! Всё равно случится так, как я хочу. Всегда так было... Всегда! – топнула она ногой и не выдержала его ироничной усмешки. Взив, отвернулась, но тут же двинулась следом.

– Ада, я прошу тебя: успокойся. Всё будет так, как ты хочешь, не это ли идеальный вариант? – добродушно улыбнулся Слава и успокаивающе погладил её по голове, но это прикосновение, его ладонь, она оттолкнула от себя с силой и будто в горячке металась по прихожей.

– Да, – коротко ответил он в трубку домофона. – Подъезжайте к дому, я открываю ворота, – проговорил основательно и тихо. Перевёл взгляд на Аду и устало вздохнул. – Что?

– А ты уверен, что тебя устроит вариант, при котором для меня всё сложится идеально?

– Милая, всё в порядке. Можешь делать всё, что тебе вздумается. У меня крепкая нервная система, я тебя уверяю.

Слава сжал её ладонь в своей и отвёл Аду в гостиную. Так они остановились посреди комнаты напротив друг друга.

– Ты не понимаешь... – судорожно выдохнула Ада, пытаясь найти отклик в его глазах.

– Ты только не волнуйся, не нервничай. Хочешь приходить ко мне – приходи. Хочешь попробовать сломать мою жизнь – флаг тебе в руки. Я тебя услышал и тебя понял. Всё. Точка.

Жестом Слава не позволил продолжить, когда она, формируя очередную безумную мысль, наполнила воздухом грудь. Прозвенел дверной звонок. Её взгляд стал каким-то растерянно-беспомощным, его – наоборот, холодным и властным. На попытку удержать себя за руки, Слава отмахнулся. На взволнованное, порывистое дыхание ответил молчаливым равнодушием. Он отправился в прихожую, чтобы открыть дверь, и не обернулся, точно зная, что Ада смотрит вслед, прожигая взглядом спину.

На пороге дома увидел двоих мужчин. Один был старше и явно недоволен встречей. Он стоял чуть позади и с профессиональным взглядом осматривался во дворе. Второй же, молодой мужчина интеллигентной наружности сделал попытку улыбнуться и приветливо кивнул.

– Доброе утро. Прошу прощения за столь ранний визит, – на этом незнакомец смолк, будто не зная, как продолжить, что ещё сказать, но на приглашающий жест благодарно кивнул. – Ада у вас? – оглянулся он, и было видно, как нервно дёрнулся острый кадык.

Слава молча кивнул и сделал очередной жест рукой, предлагая пройти в комнату. Второй гость, как Слава теперь отчётливо понимал, охранник, предпочёл на дружелюбие хозяина дома не отзываться и, в непонятном стремлении увидеть Аду первым, бесцеремонно потеснил их обоих в дверях. Охранник остановился у самого прохода и принял стандартную позу истукана. Через мгновение в гостиной стоял и Слава, и незнакомец. Ада довольно взвизгнула и бросилась к тому на шею.

– Лёня! – беззастенчиво прижалась она к нему сначала всем телом, а потом и губами.

Спустя секунду с мужчины спал ступор, чуть позже напряжение, а за этим последовал вздох облегчения.

– Ада... – проговорил он с какой-то горечью в голосе. – Как же ты меня напугала, дорогая! – стиснул зубы и прикрыл глаза, переживая напряжённый момент, с силой прижимая её к

себе. – Как ты? – оттолкнул, удерживая крепким захватом за предплечья. Осмотрел с головы до ног. – С тобой всё в порядке? Почему ты ушла?..

Слава, глядя на эту сцену, как-то некстати вспомнил о весьма подозрительном наряде «дорогой» Ады. И отсутствие белья свидетельствовало против. Только вот её мужчина об этом беспокоился, пожалуй, меньше всего. И тут уже непонятно, то ли эйфория от чудесного спасения любимой ещё не отпустила, то ли он уверен в ней на сто процентов, а, может, и вовсе брат?.. Не успел об этом подумать, как Ада, ловко вывернувшись из захвата и не ответив ни на один вопрос, подбежала и дёрнула Славу за руку.

– Лёничка, познакомься, это Слава, – она, ничуть не смущаясь собственной реакции, погладила Славу по плечу. – Он буквально спас меня прошлой ночью! – просияла улыбкой. – Наверно я даже перестала соображать, так замёрзла, а Слава предложил меня подвезти, уступил горячую ванную и согрел чашкой чая. Правда, здорово, что ещё остались люди, которые небезразличны к чужой беде?.. – заодно протараторила и тут же метнулась к «брату», осторожно придерживая того за локоть.

– Да уж... – неопределённо крикнул он.

– А это Леонид Звягинцев, мой супруг, профессор психиатрии и просто выдающийся учёный! Я Славе о тебе не рассказывала, потому добавлять что-то излишне, – тут же не преминула Ада упомянуть деликатный момент, обращаясь непосредственно к мужу.

– Очень приятно и спасибо, – подсуетился тот и протянул руку в дружеском жесте. Слава же к спектаклю в исполнении Ады остался равнодушен и не особо участливо, вроде даже с ленцой, кивнул.

Он стал чуть в стороне, и пока, как только что выяснилось, супруги, обменивались милыми перешёптываниями и впечатлениями о вечере, проведённом не вместе, оценил их со стороны как пару. Что тут сказать... достойная партия. Рядом с этим мужчиной Ада явно преобразилась. И даже рубашка с чужого плеча не портила общего впечатления.

Ада... Не сразу нашлась подходящая мысль, чему Слава при себе усмехнулся. Она вдруг стала более хрупкой, беззащитной. Более изящной. И сияющий взгляд оказался как раз кстати. Она чувствовала определённую защиту в лице супруга и держалась свободнее. Вдруг показалось, что буквально пару минут назад не было этого её просительного тона, не было внезапной истерики, растерянности во взгляде и одновременной злости в нём же.

Супруг её... слово-то какое подобрала... Так вот, её супруг, интеллигент в хрен его знает, каком поколении. Порода и манеры буквально сквозили изнутри. И эти манеры поперёд него самого входили в дверь. И здесь было всё: наклон головы, полутон слов, сдержанная улыбка и, что тут скрывать, превосходство во взгляде. Высокий и стройный. Подтянутый. В дорогом стильном костюме, подчёркивающим атлетического сложения фигуру. Он осторожно поддерживал Аду под локоток и смотрел, не отводя вожающего взгляда. Буквально впился им. Так, что, посматривая со стороны, чувствуешь себя лишним в собственном доме. У мужчины были светлые волосы, модная стрижка, укладка. Привлекли внимание линзы очков, задачей которых, кроме всем известной коррекции зрения, являлось и смягчение взгляда. Взгляда чрезвычайно умного человека. Начитанного. Такого, который знает всё и обо всех.

Слава невольно поймал себя на мысли, что ревнует. Так странно... будто то, что могло принадлежать ему, вдруг досталось другому. Кстати, мужчину по-прежнему отнюдь не смущало, что Ада стоит босая, без нижнего белья, в чужой одежде. Он даже не поинтересовался, почему так, не глянул предостерегающе. Не видит соперника? Вполне возможно. Такие, как он, в принципе не представляют, что может найтись достойнейший. Такие смотрят и надменно ухмыляются. По молодости Слава обламывал этих ребят, сейчас желания поубавилось. Появились другие интересы.

Смущало только то, что этот Леонид, несмотря на весь внешний лоск и внутренний стержень, лидером в паре явно не был. Ада вела. По жизни в принципе и в данной ситуации кон-

кретно. Она не позволяла задать лишний вопрос. Взглядом останавливала поток глупостей. Сдержанной улыбкой охлаждала пыл. Но было что-то ещё. Её суета. Незаметная с первого взгляда, она проявлялась в чрезмерной жестикуляции, в неуместном смехе. Сначала Слава подумал, что Ада выгораживает именно его, потом догадался, что дело не в этом.

Проблему решил её муж. Ленивый, безразличный взгляд мазнул по комнате, едва задел самого Славу, а потом будто окаменел, направленный куда-то за его спину. Мужчина разве что не позеленел от злости. Губы плотно сжались и побелели. Взгляд стал пристальным, неживым. Секундный ступор отпустил, а потом гневный румянец бросился к лицу, и шумный выдох будто рассёк пространство.

– Рояль? – ледяная, словно нечеловеческая ухмылка замерла на его губах. – Играете? – резанул неприязню, а Слава припомнил Аду этой ночью. Тихий голос, переполненный нежностью, и громкий плач после.

Он отстранённо качнул головой и непроизвольно расправил плечи.

– Классическое образование обошло меня стороной, – ответил, глядя мужчине прямо в глаза. – Гитару в дворовой компании освоил, побренчать и сейчас могу, а вот до «высокого» как-то не добрался. Рояль стал дополнением к интерьеру дома. Подарком от предыдущих хозяев, – тут же пояснил он и сделал затяжной вдох.

В то же мгновение к этому типу зародилась откровенная неприязнь, хотя ни единой объективной причины Слава назвать не мог. Но ответом гость, как показалось, остался удовлетворён. Правда, спокойствие его покинуло окончательно. Внутри поселилось напряжение, и скрыть это напряжение мужчина то ли не мог, то ли не хотел. Слава, к примеру, больше склонялся ко второму варианту. И то, как супруг собственническим жестом притянул Аду к себе, было лишь очередным тому подтверждением.

Он стиснул челюсти до желваков на скулах, а потом медленно повернул голову на неё. Указательным пальцем приподнял девичий подбородок, хотя никакой надобности в этом не было – она и без того смотрела в глаза. А потом пришлось уловить бесконечный, как показалось, требовательный взгляд. И напряжение, что таилось внутри, бурной рекой выплеснулось наружу.

– Ада, всё хорошо? – Тихо и угрожающе прозвучал его голос, а она усмехнулась. Легко так, беззаботно. Оттолкнула его руку от своего лица и посмотрела на Славу.

Смотрела на Славу, но чувствовала на себе взгляд мужа. А он и не ждал ответа. Всё уловил в её глазах и на мгновение растерялся. Оттого и дышал бурно, шумно. Оттого не получилось выдавить из себя улыбку. Он тоже посмотрел на Славу и превосходство из взгляда ушло. Звягинцев смотрел так, будто они встретились только что. Узнавал заново. И какое-то понижение скользнуло по его лицу. Рука, которой мужчина удерживал Аду за талию, обмякла и сползла на её бедро, а потом показательно сжала мягкое тело под тонкой тканью.

– Я ваш должник, – проговорил он вроде и вежливо, а голос походил на змеиное шипение. – Прошу прощения за доставленное неудобство. Готов компенсировать и всячески содействовать по мере своих возможностей.

– Да я вроде не жалуюсь, – припомнил Слава род деятельности гостя. – А что касается компенсации, то тем более не нуждаюсь! – решительно прервал он любое желание вернуть разговор в подобное русло. – Был рад помочь.

– Ну, что вы, в наше время не пройти мимо сродни подвигу, не так ли, дорогая?

Звягинцев глянул на Аду, а она, казалось, потеряла к беседе всякий интерес. Стояла с приклеенной улыбкой, а в глазах пустота. Когда эта пустота там поселилась, Слава и не заметил. Интерес мужа, нависшего над ней, Ада сбросила буквально плечом и вскинула подбородок.

– Действительно! – отозвалась, когда неловкая пауза затянулась и присутствующие, казалось, успели забыть о теме разговора.

– Нам пора, – вдруг подсуетился блондин и оглянулся на охранника. А то, что это охранник, теперь Слава был абсолютно уверен.

Оглянулся и будто ждал поддержки, правда, тот остался безучастен.

– Витя, шуба, – подсказала Ада с несдерживаемой ядовитой ухмылкой.

Она отступила от мужа на шаг и взглядом указала охраннику нужное направление. Тот, не особо церемонясь, сгрёб дорогие украшения в мощный кулак, затолкнул их в карман брюк и услужливо преподнёс мех, накинул его Аде на плечи.

– Всего хорошего, – улыбнулась она и пошла первой.

Муж отправился следом, а вот охранник не торопился. Он посмотрел на Славу исподлобья и повёл плечами, пытаясь что-то внушить. Вроде даже глотнул воздуха, чтобы это внушение повторить словами, но Ада обернулась в дверях.

– Витя? – склонила она голову набок, а тот недовольно крякнул.

– Всего хорошего, – вторил охранник её словам и увесистой походкой покинул дом.

Уже через панорамное окно Слава наблюдал, как муж несёт Аду до машины на руках. Конечно, ведь её туфли никуда не годятся! С какой-то странной грустью он смотрел на скрывшийся за воротами автомобиль, со странным теплом припомнил её улыбки, ужимки, намёки и откровенные предложения.

– Так даже лучше, – безразлично пожал плечами, но внушение не удалось: Слава прижался лбом к стеклу и, стиснув зубы, глухо прорычал: спокойная жизнь уже... дала трещину...

Глава 3

Машина давно тронулась с места, а нарушить гнетущую тишину салона так никто и не решился. Лёня был предельно сконцентрирован и, видимо, собирался с силами, чтобы произнести обвинительный вердикт. Ада сдерживала презрительную улыбку, которую ожидаемо намеревалась выдать при первых же его словах, а водитель с интересом посматривал то на одного, то на другую через зеркало заднего вида. И если хозяин был слишком напряжён, чтобы заметить этот интерес, то вот Ада его взгляды улавливала мгновенно и мысленно посылала к чёрту всякий раз, когда смел её испытать.

– Ада, я ненавижу, когда ты врёшь, – наконец, прозвенел мужской голос, а она раздражённо выдохнула, осознавая, что из-за водителя потеряла прекрасную возможность пресечь это заявление на корню. Послала Вите испепеляющий взгляд.

– Я вру? – Ада неодобрительно покачала головой и хмыкнула. Повернулась в сторону Лёни. – Тебе? – она приподняла и изогнула брови. – Дорогой, ты ко мне несправедлив! – спокойно проговорила и, демонстрируя негодование, снова качнула головой.

– Прекрати этот цирк! – зло процедил тот, но себя явно сдерживал. – Я же знаю...

– А разве я что-то отрицала? – не позволила Ада закончить фразу, а тон значительно повысила. – Если ты о своём последнем вопросе, который так и не прозвучал, то этот вопрос, скорее, остался диалогом с самим собой, – напомнила она о взгляде с укором. Об обидном, удушающем взгляде.

– Ада, я... – эмоционально сдался Звягинцев, а она не позволила признать вину, прервала громким окриком:

– Зачем ты его унизил этой глупой благодарностью? Специально ведь это сделал!

– Я?! – Лёня не нашёлся, что ещё добавить, и лишь задохнулся захлестнувшим возмущением.

– Зачем? Зачем ты продемонстрировал своё ко мне неуважение, недоверие? Разве ты имеешь на это право?

– Ада, я всего лишь хотел убедиться, что всё в порядке. Ты даже представить себе не можешь, в каком кошмаре прошла эта ночь! Несколько часов впустую, когда я уже и не надеялся найти тебя живой, колесил по заснеженным улицам посёлка! А ты сейчас пытаешься меня в чём-то обвинить?! Зачем ты вообще ушла?! – не сдержался он и крикнул. Ада надменно усмехнулась.

– Я не имею права выйти из дома? – единственным вопросом перевернула она всё с ног на голову. – Я устала, я задыхаюсь! – взвизгнула, не контролируя эмоции. – Я хочу жить, а не удовлетворять чужие потребности! Или тебя устраивает, что последние два месяца выглядывала на улицу только из окна собственной спальни?! Это тебе нравится? Молчаливая покорность?! – Ада нервно взмахнула ладонью, как вдруг вспомнила о контроле. Ведь Лёня его так любит... – Я вышла подышать, – всё же ответила на вопрос и на этом смолкла.

– Чем тебе не дышалось на балконе, на веранде? Усадьбы в сотни гектар тебе недостаточно?

– Мне нужна свобода, простор! А ты окружил заборами и охраной. Это невыносимо! Сотня людей, бесцельно слоняющихся по дому, а я задыхаюсь от одиночества!

– Мне казалось, что именно для того, чтобы не чувствовать себя одинокой, ты еженедельно устраиваешь эти глобальные попойки, приглашая вышеупомянутую сотню бездельников. Нет?

– Нет... – Ада растерянно покачала головой.

– А что тогда?

– Я не понимаю, что ты хочешь услышать... – прошептала она, а Лёня, сдерживая себя, сжал кулаки.

– Внятный ответ меня бы вполне устроил.

– На меня стены давят, Лёня. И твоя опека... она тоже давит. И эти бесконечные претензии!

– Претензии? У меня? Напомни, когда последний раз посмел тебе их высказать? – Не веря услышанному, Звягинцев хмыкнул.

– Твоё молчание не придаёт уверенности в себе, – вяло отозвалась Ада.

– То есть я неправ? – хохотнул он, пытаясь уловить ответ в глазах напротив. Ада нервно сглотнула и ответила на прямой взгляд.

– Лёня, я вышла подышать. Мне стало хорошо. Впервые за долгое время стало хорошо! Что ещё я должна добавить?! – скривилась она как от боли, пытаясь внушить чувство вины. – Что сказать? Чего ты обо мне не знаешь, не понимаешь? Вышла! Задумалась! А когда опомнилась, поняла, что заблудилась! Что из этого осталось для тебя загадкой? – эмоционально вскрикнула Ада и оттолкнула его ладони, которыми попытался успокоить. – Или ты считаешь, что я могла сделать это специально?! Я была одна, испугалась. А вокруг никого! Вокруг никого, и я не знаю, что мне делать дальше, куда идти! Что ещё?! Да я даже адреса нашего не знаю! Столько лет здесь живём, а номер дома мне неизвестен. Номер дома, улица... Я практически не выхожу за пределы усадьбы, и ты считаешь, что так и надо, так и должно быть. А если куда и отправляюсь, то вижу веранду, крыльцо, салон автомобиля и так же в обратном порядке по возвращении. Слава спросил, куда меня отвезти, а всё, что я знаю, так это гостиницу возле озера, и то... только потому, что её крыша видна с нашей мансарды!

– Ты могла бы мне позвонить, – нерешительно и как-то отстранённо улыбнулся Леонид. Ада гневно вспыхнула.

– Я испугалась, я замёрзла! Я имя своё готова была забыть, а ты о каком-то номере...

– Я не менял этот номер больше пятнадцати лет, Ада, тебе это прекрасно известно. Мне одноклассники, с которыми сто лет не общался, дозваниваются, – тихо твердил он, будто для самого себя.

– А я не помню!

– И вообще... поехать с незнакомым человеком... ночью... Ада! Он ведь мог что угодно с тобой сделать... Ада...

В каком-то жесте беспомощности Лёня потрянул ладонями с растопыренными пальцами и судорожно вздохнул.

– Считаешь, он мог меня чем-то удивить? – проговорила она неживым голосом и отвернулась к окну...

– Малыш...

Звягинцев сделал попытку притронуться, но нервный жест её плеч не позволил и думать об этом. Ладонь, которую он тянул к Аде до этого, пытаясь унять дрожь, мужчина сжал в кулак.

– Я не намерена выслушивать твои упрёки, – сухо пробормотала она. – И унижения терпеть не собираюсь...

– Да тебе не всё равно, кто и что подумал?! – всё же не выдержал Лёня и взорвался, сотрясая Аду за плечи. Тут же отшатнулся от её взгляда, а сглотнуть не получилось.

Хлёсткая пощёчина стала звонкой точкой. Ада выскочила из машины в чём была, и по ледяным ступеням высокого крыльца бегом бросилась к дому. Она заперлась в своей комнате, завернула в одеяло онемевшие от холода ступни и смотрела на дверь, ожидая, когда же Звягинцев войдёт.

Осторожный стук заставил едва ли не взвыть. Укрывшись одеялом с головой, Ада рухнула на постель и затаила дыхание. Она почувствовала бешеные удары сердца, как только чужое присутствие рядом стало явным. От обычного прикосновения согнулась пополам, как от удара.

– Я так понимаю, вопрос твоего интереса к нему можно не поднимать? – прозвучал убийственно проницательный голос Лёни.

Ада подскочила на месте, как ошпаренная.

– Я не хочу с тобой разговаривать!

– Ада, прошло четыре года, – через силу выговорил Звягинцев. – Четыре года тишины, спокойствия.

Голос становился тише, а смысл ускользал. Ада ненавидела его такого. Лёню-профессора, Лёню-врача. Она осторожно выдохнула и подняла на него взгляд, словно позволяя продолжить.

– Зачем сейчас начинать всё сначала? – проникновенно улыбнулся он.

– Что значит сначала?

На этот вопрос Звягинцев развёл руками, изображая абстракцию.

– Мы каждый раз снова и снова возвращаемся к точке отсчёта, и всё из-за того, что ты не можешь себя контролировать.

– Контролировать? – нахмурилась Ада, примерно понимая, к чему тот ведёт.

– Себя, – согласно кивнул супруг. – Свои желания, – склонил он голову набок, подавляя взглядом. Мягко улыбнулся, зная, что сейчас неподходящий момент, и Ада не поддастся.

Своей ладонью он накрыл её пальцы и осторожно сжал их, таким образом регулируя контроль над ситуацией. Ада и это поняла, потому перевела взгляд на его руку и вытянула свои пальцы из захвата.

– Ты уже давно не ребёнок и одного «хочу» для получения желаемого недостаточно, – прозвучало спокойно и доступно. Ада уже чувствовала, что его голос вот-вот приобретёт необходимую твёрдость.

Улыбнуться бы своему пониманию, но она упрямо поджимала губы, наизусть зная, какие именно слова Звягинцев произнесёт подобным тоном.

– Лёня, мы устали, – заявила Ада прежде, чем он проговорит то же, но совсем с иным смыслом.

Она задрала подбородок выше, понимая, что не просто сбила с мысли, а разрушила концепцию речи. Лёня терпеть не мог, чтобы его перебивали, но сейчас выказал недовольство только лишь взглядом.

– Я устала, и ты тоже. А когда человек устаёт, ему необходимо время, чтобы всё обдумать, переосмыслить.

– Что ты собираешься переосмыслить? Это из-за него? – мужская щека нервно дёрнулась, и правильные черты лица исказились, будто параличом сбились с курса.

Ада тоже вспомнила Славу и постаралась сдержать улыбку, которую вызывало это упоминание, а взгляд отвела – Лёня прекрасно читал все её взгляды.

– Я не позволю. Слышишь ты, нет? Я не позволю! – подскочил он с постели, но тут же присел обратно, понимая, что расстояние сейчас лишь помеха.

Звягинцев насильно сжал её пальцы в своей ладони, и на этот раз выскользнуть не позволил. Он выдержал время, пока Ада прекратит попытки сопротивления, и только потом продолжил.

Она понимающе ухмыльнулась. Да, да, она осознавала, что настало время его «заявления».

– Ада, если ты продолжишь в том же духе, я буду вынужден просить профессора Буланова присмотреть за тобой.

– А я нуждаюсь в этом? – изогнула она бровь и, выравнивая линию подбородка, подняла голову чуть вверх.

– Я в этом нуждаюсь, – чётко, громко проговорил Лёня, не позволяя спорить. Потом, правда, дал возможность почувствовать послабление.

Он сбавил эмоциональный напор – пришло время для понимания. Время Аде понять его настойчивость.

– Ты же знаешь, у меня сейчас плотный график. Конференция в Сиднее, потом два выступления на Международном съезде в Венгрии... – Лёня снял очки и сгибом запястья прикрыл глаза, едва массируя их, пытаясь унять раздражение, смахнуть усталость. – Забыл, как этот чёртов город называется... – болезненно поморщился он.

– В Дьере... – подсказала Ада со смешком. Лёня рассеянно кивнул.

– Ну вот, ты знаешь...

Лёня усмехнулся, как вдруг почувствовал, что мягкость сейчас ни к чему. Он мысленно собрался и, возвращая голосу былую твёрдость, прокашлялся. Выпрямил спину, выигрывая в росте.

– Меня не будет, – напомнил наставническим тоном. – Долго, – глубоко вздохнул и всё же улыбнулся. Счёл это допустимым – поняла Ада и, желая пропустить его наставления, попыталась найти взглядом, за что зацепиться. – Ада, как ты себя чувствуешь? – задал муж выдающийся из общей тональности вопрос и этим неимоверно разозлил. Ада сверкнула взглядом и прищурилась, не веря услышанному.

– Что?! – прошипела, а он, точно зная, что давит на болевую точку, продолжил.

– Ада, ты стала плохо спать по ночам.

– Но...

– Плохо, я же вижу, – Лёня мягко и до отвращения понимающе улыбнулся. – И всё чаще засматриваешься в окно, хотя там часами ничего не меняется. А ты всё стоишь и смотришь...

– Лёня... – Ада предостерегающе покачала головой, а он, будто не видит и не слышит, улыбнулся шире.

– Аркадий Семёнович считает, что тебя пора положить в клинику. Обычное профилактическое лечение. Нет телевизора, нет раздражающих факторов...

– У нас дома, если ты не заметил, телевизора тоже нет! – голос прозвенел напряжением, а Звягинцев отрицательно покачал головой.

– Я считаю, что в нашей ситуации это будет наилучшим выходом.

– А какая у нас ситуация? Я что-то упустила...

– Ада, ты нервничаешь.

– Ещё одно слово, и я уйду! – всем телом напряглась она и посмотрела на мужские ладони, как на удерживающие удавки: с отвращением.

– Ада, тебе нужна помощь, – перехватывая этот взгляд, супруг усилил давление. – Ты отправляешься на лечение, а по приезде мы пересмотрим наши отношения, как ты и хотела. У тебя будет время и обдумать, и переосмыслить, – вроде как окончательно заключил он, а Ада рассмеялась этим выводам.

– Если ты так сделаешь, то по приезде переосмысливать будет нечего! Я вернусь к отцу. Навсегда.

– Ада, прекрати... Ты столько лет грозишь одним и тем же, но так ни разу и не ушла.

Звягинцев глянул исподлобья, но и не думал упрекнуть.

– Это позволяет считать, что не собираешься воплотить в жизнь свои угрозы.

– Это говорит лишь о том, что за все десять лет ты ни разу не загнал меня в угол, милый. Сейчас мне рядом с тобой становится тесно.

– Что же... это высказывание не лишено смысла...

Лёня, освобождая Аду, разжал свои ладони, а она и не думала пренебрегать этой свободой, тут же отскочила в сторону и остановилась в нескольких шагах от кровати.

– Я всё равно тебя так не оставляю. Это ты понимаешь? – уравновешено выдохнул он, на что Ада улыбнулась. Мягко и терпеливо. Умела так и бессовестно этим пользовалась. Щека Лёни снова дёрнулась, а голова опустилась.

Он прикрыл глаза, когда понял, что Ада присела у его коленей, что пытается поймать взгляд. Качнул головой, что-то отрицая, а потом улыбнулся. Широко, но как-то устало.

– Сейчас я делаю то, что считаю нужным, а потом у нас с тобой будет настоящая семья, – выдвинула она условие, но почувствовала, что не достигла цели. Нервно поджала губы. – Я рожу ребёнка. Ты ведь хочешь детей...

– Ада, перестань. Ни к чему спекулировать детьми. Я же понимаю, что это просто попытка выиграть время.

– А пусть так! Пусть! Но мне нужно это время!

Она настойчиво двинулась вперёд, заполняя собой всё его пространство. И поняла реакцию, когда Лёня, тяжело вздыхая, запрокинул голову: он искал сил, чтобы поставить её на место. Искал, но не нашёл. Ада уловила это в следующую же секунду, когда прочла решение на его лице.

– А потом ты выйдешь за меня замуж, – выдвинул Звягинцев своё условие. Более реальное, чем её рискованный шаг с детьми. Знал, на что давить, и давил безжалостно. Аду выдали нервная усмешка на губах, но отказаться она не смогла.

– А потом я выйду за тебя замуж, – пожала плечами и даже попыталась соорудить более уравновешенную улыбку.

Ада встала на ноги, обошла кровать по периметру и прилегла с самого края. Когда матрац рядом прогнулся сильнее, не шевельнулась и не высказала протест, но внутренне сжалась. Тёплые губы коснулись плеча сквозь тонкую ткань. Выдержав так мгновение, испытав реакцию, поцелуи поднялись выше, а крепкая рука в собственническом захвате удерживала поперёк живота. Мочки уха коснулся влажный язык, и она вздрогнула.

– Не смей меня трогать! – зло процедила сквозь зубы.

Так замерла, а Лёня только навалился сильнее. Он запустил руку ей между ног, с силой дёрнул на себя и посмотрел в глаза. Требовательно, настойчиво.

– Не хочу тебя! – едва ли не по слогам прошептала Ада, не пытаясь скрыть напряжение, а Лёня оскалился.

– Я так и понял, – легко отозвался, усмехаясь.

Он разгладил мягкие волосы. Наслаждаясь её внутренним отпором, впитывая в себя её напряжение, требовательным движением провёл по телу.

– Всё, что захочешь, а потом ты станешь моей женой, – напомнил условие и перекатился на другой край постели.

Звягинцев резво подскочил и, насвистывая весёленькую мелодию из любимого фильма, направился к выходу из комнаты. Аду аж перекосило, но ответить на это было нечего. В конце концов... когда это ещё будет...

Она победила. Всегда побеждала, всегда стремительно рвалась вперёд. Сколько лет знакомы? И Ада бессовестно пользовалась его к себе расположением и топтала... едва ли не с грязью смешивала. Так, по крайней мере, Лёне тогда казалось. На самом деле она всегда относилась к нему как к другу. Как к мальчишке, которого знала с детства, ведь дружили семьями.

Они учились в одной школе. Ада тогда была совсем ребёнком, двенадцать лет, а он заканчивал школу. Она была ребёнком, но уже понимала силу своего влияния. А Лёня... Пусть не любовь, пусть помешательство, но он был рядом. Знал, что только упорством и ежедневным трудом можно добиться своего. Капля камень точит... так говорят. Ада была камнем, а его внимание к ней – бесконечным потоком. Она забавлялась и смотрела свысока, стремилась к свету, а он всё прощал, веря в успех. Однажды бабочка больно обожглась, а он, как всегда, оказался рядом. Вот тогда и почувствовал свою власть.

Звягинцев никого не слушал, не принимал ничьи доводы. Вытащил, вырвал Аду из чужих лап. Из её собственных страхов. Увёз, спрятал. Поставил над другими королевой. Она была

холодна и прекрасна. Королева... и вдруг сорвалась. Раз, другой, третий. Сначала было больно, потом обидно, на третий раз Звягинцев был наверняка уверен в том, что всё пройдет. И ведь, действительно... проходило...

Он всегда мог отогреть стеклянный взгляд, завоевать доверие заново. Только вот сейчас в её глазах увидел нечто иное. Ещё там, в чужом доме, рядом с посторонним мужчиной. И вместо обычного психоза, вместо желания на ком-то отыграться, в её глазах горел огонёк азарта, одна за другой срывались искорки интереса. А искра может привести и к пожару.

Ада никогда ему не изменяла. Ни разу за все десять лет, которые вместе. Точно это знал, а вот сейчас усомнился. В будущем, разумеется. Потому и поставил подобное условие. Свадьба... Она должна была состояться сразу же, как только сошлись, но Ада всегда находила причину отложить торжественное событие.

Правильная девочка, воспитанная хорошими родителями, она знала, что никогда не посмеет нарушить союз, который считался в их семье священным. «Но я другому отдана и буду век ему верна...» слова вырваны как из его жизни. Потому и не решалась на серьёзный шаг. И сейчас он точно знал: что бы ни произошло... Что бы ни произошло... Ада вернётся. Только лишь для того, чтобы исполнить данное обещание, а уж там и обратного пути не найдёт. Останется с ним.

Она всегда наслаждалась чужим вниманием, а сейчас была готова дарить своё, да кому?... Звягинцев не хотел, не мог себе позволить выпустить её из виду. И ещё этот неудачник... из той породы людей, что довольствуются малым. Ни к чему не стремятся и никуда не желает двигаться. Он занял определённую нишу и поплёвывал на макушки менее успешных. Тихо посмеиваясь, наблюдал за их вознёй. И этот неудачник раздражал. И сам по себе, и имя это... Слава... Глупое, несуразное! Он смотрел в глаза. Нагло, самодовольно. Будто имел на это право. Будто мог предъявить эти самые права на Аду. А она позволяла...

Нелепая игра практически сразу обнажила истинные намерения. Да так, что, даже начиная этот разговор, Лёня наверняка знал, чем он закончится. Конечно же, она снова победила. Конечно же, она сделает всё по-своему. С собой бы не была, если бы отказалась от намерений... Его Ада...

На фоне необъяснимого логически и вполне оправданного в эмоциональном плане приступа ревности, он не сразу разглядел угрозу. Рояль. Простой, казалось бы, музыкальный инструмент. И не было в нём ничего особенного. Только вот Лёня знал, что проблема была не в инструменте, а в том, как Ада его воспринимала. Источник энергии. Она дышала музыкой, жила в ней, порхала по невидимым глазу струнам души.

В их доме тоже когда-то стоял рояль. И она играла. Чаще ночью. Выбиралась из постели, считая, что он спит, и спускалась в музыкальный зал. Там всё не решалась подойти к инструменту. Каждый раз по одной и той же схеме. Сначала долго смотрела, потом осторожно прикасалась, обнажала клавиши и слегка проводила по ним кончиками пальцев, не намереваясь выдавить звук. Вскоре появлялась уверенность, и первые завораживающие нотки струились по комнате. Казалось, только в эти мгновения Ада становилась собой. Прежней, беззаботной девчонкой. На лице красовалась настоящая, живая улыбка, вдох получался чуть взволнованным, плавный голос срывался с губ.

Он знал, почему Ада прячется, знал и позволял наслаждаться этой тайной жизнью. Так ей было легче.

Однажды утром, проснувшись, он не обнаружил Аду рядом с собой. Сразу понял, где стоит искать. Вошёл в музыкальный зал и улыбнулся: она сидела за инструментом, не таясь. Впервые за долгие годы. Только потом рассмотрел чрезмерно ровную спину. Как монолит, как недвижимая конструкция! Приблизился и потемнел с лица, заметив её скрюченные в болезненной судороге пальцы, панику в глазах и полное отсутствие признаков осознанного действия.

Заметил приоткрытые в немом крике губы. Они посинели. На лбу проступили капли ледяного пота.

Сам для себя Лёня это объяснил тем, что в какой-то момент пальцы перестали слушаться, ноты не могли образовать мелодию, а голос так и не подстроился, чтобы выбрать правильный тембр. Ступор. Это он для себя так объяснил, Ада же ничего объяснять не стала. Иногда она умела выгодно пользоваться своим состоянием. Об этой ночи предпочла забыть вовсе и на любые вопросы только рассеянно улыбалась. В тот же день инструмент был продан, а Ада, как и прежде, каждую ночь бродила по пустому залу и смотрела на отсутствующий теперь рояль.

Музыка была её страстью. Музыка была её слабостью. Только прежде приносила удовольствие, а теперь заставляла страдать. То, что прошлой ночью она играла, Лёня понял по взгляду. Дерзкому, смелому. Ада будто бросала вызов. И она будет стремиться туда снова и снова. Туда, где чувствует себя свободной. И он просто даст ей время. Просто отступит, чтобы сделать последний решительный рывок.

Утром Звягинцев улета́л на очередную конференцию. Не попрощался. Плохая примета...

Глава 4

Как автомобиль увозит Лёню в аэропорт, Ада наблюдала из окна своей спальни с рассеянной полуулыбкой. Ещё два часа она провела в ванной, отогреваясь от его присутствия в доме. Не соврала вчера, когда говорила об усталости. Не хотела его ни видеть, ни слышать. Кто знает, может, именно мысли о скорой встрече с Лёней увели её из дома прошлой ночью...

Звягинцева не было неделю, а она и не думала скучать. Запирала его комнату на ключ и радовалась этому, будто ребёнок мелкой пакости. Ужин просила накрывать на двоих и наслаждалась видом пустующего места. Не останавливали даже мысли о том, что Лёне в подробностях докладывают о её странном поведении. Что он мог сказать? Что он мог сделать? Разве что очередной раз пригрозить уютным местечком в клинике профессора Буланова?..

Настроив себя на лучшее, Ада вышла из комнаты. Она спустилась в просторный холл, прочувствовала, как от пустых холодных стен отражается звук звонких каблучков домашних туфель. Так звучит свобода. Так звучит независимость. Вошла в кухню и тут же наткнулась на водителя.

– Добрый день, – недовольно пробубнила Ада. – Не видела, как ты вернулся, – тут же пояснила, что-то усердно выискивая в холодильнике. – Всё в порядке? – оглянулась, так и не услышав ни единого ответа, ни единого комментария.

– Смотри что ты имеешь в виду, говоря о порядке, – бестолково пожал плечами мужчина и пакостно ухмыльнулся. – Я посадил Леонида Алексеевича на самолёт и убедился в том, что он взлетел.

– Об этом я и спрашивала! – отозвалась Ада, усаживаясь за стол напротив водителя.

Тот даже голову набок склонил, с неестественным удовольствием наблюдая за этим действием.

– Что?! – бросила она с вызовом.

И усмехнулась, наивно пытаясь спрятать эту улыбку за стаканом с соком. Ада искусно изогнула бровь, но тут же рассмеялась в голос, не имея никаких сил сопротивляться прямому осуждающему взгляду.

– Ты вчера переигрывала, – пожал плечами мужчина. Снова безразлично. – И за что он тебя терпит? Я бы давно придушил, – принялся лениво рассуждать.

Ада игриво отмахнулась.

– Ты относишься ко мне слишком критично, – заметила как бы между прочим и села удобнее, будто соблазняла. На самом же деле отвлекала внимание. Впрочем, Витя давно перестал реагировать на подобные фокусы. – Я всё же женщина. И готова согласиться даже на малейшее послабление.

– Не заслужила, – отмахнулся он, на что Ада обиженно надула губы.

– Вот-вот, об этом я и говорю. Строг...

– ... но справедлив! – закончил за неё Витя и глянул, будто наизусть знал все уловки. Хотя, наверно, именно так и было. – Нет, Ада, честно. Это твоё «я практически никуда не выхожу, я не знаю номер дома и улицу...» – это было слишком.

Припоминая недавнее выступление, мужчина даже усмехнулся.

– Мне нужно было что-то сказать! – развела она руками.

– Стоило подумать об этом прежде.

– Как-то в той обстановке не думалось, – честно призналась Ада. – Я не рассчитывала увидеть вас так скоро и уж тем более не собиралась объясняться.

– Ну да, я так и понял: ты планировала появиться так же неожиданно, как и исчезла, при этом не утруждая себя объяснениями вовсе. Как это на тебя похоже. – Витя неодобрительно

качнул головой и, не скрывая презрения, усмехнулся. – Ада, он чуть с ума не сошёл, что ты творишь... – в плавном, без всяких эмоциональных переходов голосе сквозило осуждение.

– Если тебе принципиально это знать, то едва ли я о чём-то думала. Мне было хорошо, и, ведомая этим чувством, я зашла слишком далеко. В прямом смысле, – не преминула она пояснить. Витя хмыкнул.

– Я давно заметил, что тебе хорошо, когда остальным плохо.

– Прекрати меня осуждать! – Ада недовольно фыркнула. – Хотя бы ты воздержись. Иначе мне придётся погибнуть в расцвете лет из-за чувства духовной неполноценности. В конце концов, я не обязана думать обо всех! Расскажи лучше, как вы меня нашли? Неужто пустили по следу собак? – довольная шуткой, она прищурилась, а Витя не спешил разубеждать.

Он смотрел, надеясь своим взглядом внушить хотя бы каплю реальной вины. К слову, надеялся зря. Окончательно признав это, мужчина сделал затяжной выдох и откинулся на спинку стула. Вынул из кармана пачку сигарет, неторопливо прикурил.

– Твой новый знакомый ещё вечером позвонил на пост охраны. Жаль только, я не сразу догадался спросить у ребят, а они и знать не знали, что на их участке живёт любительница блуждать по ночным дорогам в одиночестве. Обычно ты ограничивалась территорией усадьбы.

– Можно без предисловий, – подсказала Ада, а водитель глубоко затянулся сигаретой и выпустил дым в её сторону.

– Позвонил твой дружок на пост и сообщил, что Мурку встретил. Масть белая, о ладонь трётся, к теплу и ласке приучена. Отзывается на имя Ада. Готов вернуть хозяину без вознаграждения. Адрес оставил. Как? Неожиданно?

– Это он погорячился, – забавляясь, заключила Ада. – Витя, я же просила тебя не курить! – нахмурилась, но думала явно о другом.

– Ада, зачем ты с ним поехала? Я так понимаю, новому знакомству товарищ был не то чтобы рад и особо не церемонился.

– Даже не буду спрашивать, с чего ты это взял, – отмахнулась она, а Витя глянул с умилением.

– И не спрашивай. Ответ на мой вопрос.

– Я вчера Лёне отвечала! – возмущённо надулась Ада и скрестила руки на груди. Витя подобный жест отобразил зеркально, только во взгляд добавил настойчивости.

– Про что? Про номер дома, который в реале указан на воротах? – понимающе кивнул он. – Ну да, я почти поверил.

– В конце концов, номер дома ничего не даёт. Девяносто восемь и девяносто восемь! – фыркнула она, отворачиваясь. – А улица? Табличка с названием улицы, где висит?

– Разумеется, всё дело в названии улицы! – Витя издевательски потянул. – И это твоё «Я не помню номер телефона», кстати, тоже удалось на славу. Я вот всё думаю, Леонид Алексеевич действительно верит твоим закидонам или просто всё это терпит?

– Терпение у Лёни запредельное, тут сложно что-либо отрицать. Но и он не подарок!

– В конце концов, дорогу от поста охраны ты знаешь, могла бы попросить подвезти тебя туда. Нет? Не догадалась? – проигнорировал он завуалированное предложение отойти от темы.

– Ну да, чтобы Слава уж наверняка усомнился в моей дееспособности! – пробубнила Ада и стерпела издевательскую улыбку на мужских губах.

– А ещё можно было использовать волшебное слово «Усадьба». Его здесь каждая собака знает. Но это так, для разнообразия. Ты же предпочла отправиться в путь.

– Витя, я не хотела возвращаться домой! – недовольно процедила Ада и поджала губы, глядя на то, как мужчина лениво аплодирует.

– Ну, вот теперь верю, – довольно оскалился он, и Ада устало выдохнула.

– Почему я всё это терплю?

– Вопрос, как я понимаю, риторический?

– Пообщавшись с Лёней такое слово выучил, да? – она мстительно прищурилась.

– Ада, я всегда и во всём на твоей стороне, но...

– Это не твоё дело, Вить, – скривилась Ада, а он приподнял брови.

– Что так? «Прынц» не проникся светлыми чувствами и отказался назначить очередное randevu?

– Можно подумать, мне интересно его мнение! – бросила она, а вот предательский румянец на щеках всё же загорелся.

– Вот это по-нашему, по-взрослому... – громко поддакнул водитель, поощряя. – Ада, зачем он тебе сдался? – заговорил Витя иначе. Буквально прорычал, а она показательно ахнула.

– Я должна тебе что-то объяснять?

– Да ты себе объясни! Хотя бы себе, и этого хватит с лихвой, чтобы успокоиться и жить той довольной жизнью, к которой привыкла.

– Скорее уж привык ты, – беззлобно упрекнула Ада. – Витя, ты ведь отвезёшь меня сегодня в город?

– В город? – водитель притворно задумался. – Девочка заработала на новую шубку?

– А даже если и так? Лёня всегда убеждает ни в чём себе не отказывать! – удивилась Ада заявлению и развела руками, не признавая в словах претензии.

Не дожидаясь новой реплики, нового упрёка, она вышла из-за стола с намерением вернуться в спальню и переодеться.

– А штурмовать очередную вершину когда? Вечером? – Услышала прилетевшие в спину слова и обернулась, демонстрируя кончик языка.

– Я сообщу тебе заранее, – убедительно кивнула Ада и удалилась в сторону лестницы.

Уже тогда знала, что собирается делать. И то, что спешить не стоит, понимала. Ада неодобрительно усмехнулась: порой она начинала уставать от этого точного расчёта. Папочка бы гордился, используй она эти умения и навыки по прямому назначению, а так...

Раздражающая трель дверного звонка успела нарушить сон трижды, прежде чем Слава смог разлепить опухшие веки и поймать осознанную мысль происходящего. Электронные часы, сообщившие о раннем времени суток, были признаны врагом номер один и заброшены за прикроватную тумбочку без права на реабилитацию. Воскресенье было единственным днём недели, позволяющим реально выспаться. В этот раз не радовало и оно. Восемь утра первого за последний месяц толкового выходного были явно пределом терпения, как и очередная трель звонка.

С несдерживаемым раздражением Слава резкими движениями натянул на голое тело свитер, домашние брюки. Он расправил волосы пятернёй и сделал неуверенную попытку стереть с лица следы усталости. Напряжённым увесистым шагом спустился по лестнице, резво пересёк гостиную, с явной злостью справился со всеми замками и распахнул дверь.

В первое мгновение он растерялся. Ослеп от яркого снега, от света, отражённого сугробами, и от улыбки девушки напротив. Слава прищурился, напрягся, пытаясь заставить мозг выдать хоть какие-то ассоциации.

– Доброе утро! – Прозвучал бодрый звонкий голос, и в лицо прилетел пушистый комок обжигающе-холодного снега.

– Ада... – Сразу тысячу ассоциаций выдал мозг, даже не пытаясь их дозировать.

Голос казался усталым и каким-то охрипшим, впрочем, примерно так Слава себя и чувствовал: будто пропущенным через мясорубку, а голос... что голос? Лишь отражение внутреннего содержимого.

Страхнув с плеч, с волос мягкие белые хлопья, Слава проследил взглядом за тем, как Ада заново изучает его гостиную. В некой прострации наблюдал, как в разные стороны летят пушистые белые сапожки, как на пол, соскользнув с плеч, опустился песцовый полушубок. Такой же

блестящий, как и сапожки, такой же ослепительно белоснежный, как и меховая шапка-ушанка, украшающая её голову.

– Зачем ты пришла? – задал он очевидно глупый вопрос, попутно прикрывая дверь – едва ли Ада зашла на секунду, а стоять практически на улице с босыми ступнями чревато последствиями.

Слава пошёл за ней, подобрал с пола шубу, бросил небрежным жестом в кресло. Наклонился, чтобы поставить вместе сапожки, а как распрямил спину, пригвоздил Аду к полу взглядом.

– Ты зачем пришла? – повторил свой вопрос, добавляя в интонацию жёсткости, решительности.

По одному её игривому взгляду понял, что гостя намерена забавляться, и примерно представлял себе ответ, но всё же ждал, когда Ада его озвучит.

– Мне было скучно, – пожалала она плечами, не особо скрывая абсолютное безразличие к собственным словам.

– Не вижу никакой взаимосвязи между желанием развеселиться и твоим присутствием в моём доме.

– Да брось... – она рассмеялась в голос, бестолково нарезая вокруг Славы круги. Так и ходила то приближаясь, то отдаляясь, приглядываясь и изучая. – Неужто, и правда, не видишь? – не веря, покачала головой и окинула придирчивым взглядом с прищуром.

– Ада, я устал и хочу спать, – попытался Слава объяснить, а она разозлилась. Склонила голову набок, и, закусив губу, сверкнула глазами.

– Мы это уже проходили, – описывая очередной круг, Ада намеренно остановилась за его спиной. Чтобы Слава повернулся, чтобы посмотрел на неё. Чтобы сердце в радостном припадке забилося в груди. – А потом ты хорошо подумал, и всё равно пришёл ко мне!

Так и не дождавшись должной реакции, она сделала несколько шагов, остановившись в очередной раз так, чтобы считать эмоции.

– Хочешь, я приготовлю свой фирменный кофе?

– Я не пью кофе.

– Считаешь, долго будешь упираться?

– Ты зачем пришла? – спросил Слава третий раз, но ответа дожидаться не стал. Махнул рукой, будто на пропащую, и поплёлся в сторону лестницы. – Попытка не удалась, милая, – на ходу бросил он, не оборачиваясь. – Попробуй себя в другом амплуа, – недовольно рыкнул и боковым зрением отметил, как Ада застыла на месте.

Он зашёл в комнату, демонстративно громко хлопнув дверью, устроился на кровати и только прикрыл глаза, как звук дверного звонка очередной раз попытался раздражить сознание.

– Что за... – Слава мысленно выругался и подскочил с постели.

На лестнице он скакал через ступень, по гостиной комнате буквально пронёсся, размашистым движением распахнул дверь и не успел увернуться, когда очередной снежный комок прилетел в лицо.

– Доброе утро! – заявила Ада прямо с порога и двинулась на него. – Я соскучилась! – жарко выдохнула и вроде как ждала его ответа.

Так и не дождавшись, сама принялась стряхивать с волос снежинки горячими ладонями, а потом обеими руками толкнула в плечи, заставляя отступить. Она захлопнула за собой дверь и будто в повторении предыдущего захода принялась разбрасывать вещи по гостиной.

Оглянулась и озорно подмигнула.

– Вторая попытка вторжения привела тебя в не меньший шок, чем первая! – довольно заметила. – А вот причина... Ты прав... Но я, действительно, по тебе скучала! – развела она руками, вроде как извиняясь. – Я это поняла только что, по угрюмому выражению лица, –

приблизилась Ада и коснулась ладонью его небритой щеки. – По угрюмому выражению лица, которое мгновенно меняется, как только на губах выступает улыбка. Ты очаровательно улыбаешься...

– Всю жизнь мечтал услышать нечто подобное. Ада, ты на часы смотрела?! – Слава высказал претензию вслух и почувствовал, что стало легче.

– Прости, но я боялась, что ты и сегодня куда-нибудь уедешь! – честно призналась она, но тут же рассмеялась приоткрытому в удивлении рту. – Не подумай, я не следила за тобой, но ребята из охраны оказались очень наблюдательны и буквально за пару улыбок рассекретили примерный график. Абсолютные бездельники! – в азарте Ада всплеснула ладонями. – А вдруг я бы попыталась тебя ограбить?

– Ты украла мой сон. Что может быть хуже? – проворчал Слава, удаляясь в сторону лестницы.

– Звучит очень романтично! – выкрикнула Ада ему вслед, но догнать не пыталась. – Через пятнадцать минут я жду тебя на кофе и гренки!

– Да на здоровье! Я так понял, ты прекрасно ориентируешься, – безразлично бросил он через плечо. – Кухня там, туалет направо, а гостевая спальня наверху. Чувствуй себя как дома, – проговорил Слава так, будто мысленно пожелал провалиться и тут же потерялся в коридоре второго этажа.

Ада только усмехнулась его недовольству. Пусть даже вполне оправданному. Ещё несколько секунд потоптавшись на месте, она всё же отправилась в кухню. В конце концов, обещала ему гренки... осталось только припомнить, с какой стороны подходить к плите.

Чуть горьковатый запах кофе привёл в чувства похлеще любого звонка. Открыв глаза очередной раз, Слава, не сдерживая эмоций, простонал.

– Ты действительно считаешь, что я обязан всё это терпеть? – принялся он основаниями ладоней массировать раздражённые усталостью глаза.

– Кажется, кто-то хвастался железобетонным терпением! – упрекнула Ада, припоминая его же слова, сказанные неделю назад. – Прости, ты действительно хотел спать, – тут же мягко усмехнулась она, признавая ошибки. – Вставай, я приготовила кофе. И гренки. А ещё обещаю массаж, после которого ты забудешь, что такое усталость.

– Лучше бы ты пообещала исчезнуть из моей жизни. Что тебе неймётся, а?! – Слава рывком встал с кровати и размял шею, справляясь с явной болью в затёкших после неудобного положения мышцах.

Ада виновато опустила взгляд.

– Идём завтракать, – тихо проронила, растеряв всю настойчивость. Слава даже обернулся, пытаясь сориентироваться в её настроении.

– Прости, – посчитал нужным извиниться. – На самом деле я тоже скучал по тебе, – вдруг заявил он. При этом так и смотрел на Аду из полуоборота, взглядом и интонацией не выражая никаких эмоций. – Не ожидал просто, что действительно вернёшься. Всё-таки неделя прошла...

Слава почесал затылок и обвёл комнату растерянным взглядом.

– Ты что-то говорила про завтрак? – попытался привести Аду в чувства, и она, понимая это, осторожно улыбнулась.

– Я всё приготовила. Нужно спуститься. Ненавижу само по себе выражение «завтрак в постель». Это отвратительно! – тут же пояснила. – Люди иногда бывают как свиньи: где спят, там и едят. Меня воспитали иначе.

– В твоём классическом образовании я и не сомневался, – глухо отозвался Слава, не комментируя вслух, что он сам, как и большинство людей, не против поваляться в постели, попутно дожёвывая бутерброд.

Устроившись за столом, глянул на Аду и улыбнулся. Она сама по себе вызывала подобное желание. Для этого даже ничего не нужно было делать. Наверняка знала это, но пыталась угодить, что отнюдь не портило общее впечатление.

Ему приготовила зелёный чай, себе в чашку налила густой свежесваренный кофе.

– Ешь, – напомнила, отчего-то смутившись, и подвинула ближе порцию гренок.

Слава, наоборот, отпустил свой интерес и не собирался его контролировать. Он разглядывал Аду и увиденным оставался доволен. Сегодня она была нежной, домашней, будто женщина из его мира. Вот она, с простейшими потребностями, с известными желаниями, с понятными мечтами. В прошлый раз была другой. Слишком глубокой, что ли, сейчас же приложила все силы, чтобы ничем не выделяться из толпы, не понимая, что это в принципе невозможно с её взглядом, с жизненной подачей.

– Как ты вошла во двор? – вдруг задал Слава вопрос, который интересовал с того момента, как увидел Аду на пороге дома. Но тогда вроде как было не до вопросов, а сейчас он освоился, успокоился, принял позицию хозяина положения. С её позволения... По крайней мере, именно такое ощущение не покидало вот уже несколько минут.

– Витя подсадил, – просто ответила Ада и сделала глоток.

– Охранник?

– Он водитель, – пояснила.

– И что?

– В каком смысле?

– Как ты ему объяснила своё желание? Или это в порядке вещей: забраться к кому-нибудь в дом?

– А почему я должна ему что-то объяснять? Его работа исполнять, а не спрашивать.

– И не боишься, что доложит мужу?

Ада неприлично громко фыркнула.

– Тоже мне муж... Лёня – мой любовник! – заявила она, не смущаясь весьма нелестного положения. – Не больше и не меньше. Сожитель, если тебе так удобнее. Просто ему нравится подобное представление. Нравится, когда называю мужем, но едва ли это даёт ему право меня контролировать. Но Витя ему, конечно же, доложит, тут ты прав, – досадливо потянула. – В конце концов, это его работа. Не представляешь, чего мне только стоило выдержать его долгий взгляд, когда забрал от тебя в прошлый раз, – припоминая, Ада усмехнулась. – В этот раз сослаться на паническое состояние после переохлаждения не получится. Но я вполне могу сказать, что забыла у тебя своё платье. Ведь я же его действительно забыла, – она стрельнула глазами и сдержала хитрую улыбку.

– Ну да, а потом мы вместе его искали. Сколько ты там у меня уже гостишь? – кивнул Слава на золотые наручные часы, а Ада демонстративно сбросила их с запястья и отодвинула от себя дальше.

– Почему он тебя вообще интересуется? Я же сказала, что не муж, так, в чём беда? Человек всегда имеет право выбора, и в данной ситуации ты нравишься мне гораздо больше, чем Лёня. К тому же он считает меня сумасшедшей.

– Тебя? – Слава присвистнул. – Быть такого не может! – широко и издевательски ухмыльнулся. – Но ему, как... профессору... каких наук ты его представила? Я что-то не припомню...

– Профессор психиатрии. Он изучает границы сознания, развитие личности путём самовнушения. Считает себя недостающим звеном между богом и людьми, а меня – лучшим экземпляром своей коллекции психов с расстройствами того самого сознания.

– Да, да, ему, как профессору психиатрии, наверно, виднее. Вот только... Спать со своей пациенткой? Наверно это аморально. Что по этому поводу говорят учёные умы?

– Умы считают меня его фатальной ошибкой. Один профессор Буланов чего стоит... Он смотрит с укором, покачивает своей маразматической головой, украшенной козлиной бород-

кой, и каждый раз призывает Лёню отправить меня на лечение в его санаторий, который является самой настоящей психушкой! Только для психов из элиты. Оказывается, их не так мало...

– Да брось. Наверняка тебе ничего не стоит очаровать его седовласого наставника. Я ведь правильно распределил роли? – получив одобрение во взгляде, Слава причмокнул губами.

– Слав, а ты мне нравишься всё больше и больше! И, конечно, ты прав. Но без Буланова наша с Лёней жизнь была бы скучна и однообразна! – прикидывая, Ада пожалала плечами. – Он с таким азартом, с брызжущей слюной убеждает его затолкать меня в мягкую комнату, что...

– В мягкую комнату? – недоумённо уточнил Слава.

– Да. Специальное помещение без единого твёрдого предмета. На самом деле жуткое место, ведь в отличие от обычных палат, даже о простейшем физиологическом желании сходить в туалет ты вынужден отчитываться перед санитарями, вынужден просить. А они ой, как рады, когда их упрашивают «золотые детки» богатеньких родителей. Эти шакалы тогда пытаются отыграться за всю свою жизнь, за все унижения и оскорбления. А ты себя чувствуешь полным ничтожеством. Хотя, по сути, находясь там, им и являешься.

По мере того как Ада говорила, она наблюдала за Славой и выражением его лица. Маска азарта давно слетела, теперь отображалось пусть и смутное, но понимание, осознание. Он нахмурился и подобрался, выпрямляя спину. И прежде чем решился спросить, задержал дыхание.

– Ты сейчас серьёзно? – недоверчиво усмехнулся, а потом улыбка пропала – Ада не шутила и между делом продолжила:

– Лёня в принципе неплохой парень, но вот его навязчивое желание непременно вылепить меня от тех расстройств психики, которые сам же и диагностировал, иногда напрягает.

Слава присмотрелся, на что Ада громко рассмеялась.

– Перестань! – отмахнулась. – Ты же видишь, что я не буйная. К тому же мало кто действительно разбирается, где находится та тонкая грань между реальной и сумасшедшей жизнью. Иногда проще притвориться нормальным. Вовремя промолчать, или, допустим, не заметить проблемы, пройти мимо, если об этом вопит инстинкт самосохранения. Только вот далеко не каждый прислушивается к голосу разума и порой идёт против мнения большинства. Пытается противопоставить себя целой толпе. Тогда человека называют сумасшедшим. Иногда он заслуживает это звание только лишь из-за того, что понимает в жизни больше остальных. Видит между строк и может озвучить чужие мысли, будто для него одного написанные наяву.

– Твой вариант? – догадался Слава и насторожился, когда Ада, задумавшись, смолкла.

– Почему нет? – в итоге прозвучал её глухой голос, но в словах, в манере подачи сквозило сомнение.

– Знаешь всё и обо всех, – подсказал он, и Ада понимающе улыбнулась, опустила взгляд. – А что скажешь обо мне? – резанул неприятной интонацией, заставляя на неё отзываться, и Ада приняла вызов. Правда, чувствовала себя под испытующим взглядом неуютно.

На самом деле вспомнила профессора Буланова с его бесконечными тестами. Как он толкает в руки листы и подначивает ответить на вопросы то, что сам и думает. Так же смотрит, ожидая, что Ада провалит испытание, но она не привыкла разочаровывать людей.

– Ты часто смотришь собеседнику в глаза, – осторожно проронила. Слава не уловил смысла и фыркнул.

– И что? Многие так делают, пытаюсь подавить волю, внушить верную, с его точки зрения, мысль. Более слабый всегда поддаётся, – пояснил он, на что Ада грустно усмехнулась.

– Это так, но ты смотришь не для того, чтобы внушить. Ты пытаешься понять. Услышать то, что не сказано. Пытаешься считать реакцию человека и непрерывно анализируешь. Это как необходимая зарядка для ума, ведь использовать его тебе теперь не к лицу. Я имею в виду твою новую жизнь, где ни к чему демонстрировать проницательность и стальную хватку. И то, что прежде ты смело озвучивал, теперь оставляешь при себе. Чаще всего. Ты даже на меня

сейчас смотришь и пытаешься уловить несоответствия. Сравнить то, что было, с моим новым отображением.

Ты устал. От своей жизни устал. Скучной, однообразной. Что заставило тебя измениться? Ты не слабак, но перестал доверять людям. Значит, это было предательство. То самое, что больше всех на свете. Когда предают близкие. Подружку с возможной изменой отмечаем сразу – не твой вариант. Плюнуть и растереть – найдёшь новую. Выходит, предательство в момент, когда искал поддержки, когда ждал помощи. Твоя походка. Походка хозяина жизни. Передвигаешься, не торопясь, вальяжно раскидывая ноги в стороны. Осторожно, будто крадучись перекатываешься с пятки на носок. Как учили в детстве на занятиях по физкультуре. Только делаешь ты это не с целью заявить о себе, как думают многие и заранее остерегаются. Ты боишься показать себя настоящего, уязвимого. Присутствует страх почувствовать самому и продемонстрировать остальным собственную слабость. Ведь хромаешь. На обе ноги. Травма? Автомобильная авария?

Слава на её замечания лишь рассеянно улыбнулся.

– Что ты почувствовал в момент, когда увидел меня с другим? – задалась Ада вопросом, но не пыталась предсказать, ждала диалога.

– Ревность, – на выдохе выдал Слава, но в голосе ощущалась похвала.

– Разве имел на это право? – Ада намеренно уколола, а он оскалился.

– Считаешь, должен был спросить позволения у твоего любовника? – хмыкнул, понимая, что отзывается на провокацию.

– Ты смотрел нам вслед. Зачем?

– Хотел запомнить тебя рядом с ним. Запомнить настолько, чтобы в мозгу отложилась эта ассоциация: Ада – чужая женщина.

– Зачем?

– Чтобы ты не смогла сломать выстроенную за многие годы жизнь. Мою жизнь.

– А разве ты её строил? Или строил себя, чтобы этой жизни соответствовать? Этой жизни, этому миру?..

– Ада, ты предсказуема. Я уже знаю твой следующий вопрос, – проговорил Слава, но не обрадовался своему высказыванию.

Ада развела руками.

– Так, ответь на него!

– Я тебя хочу, – прошептал он на грани слышимости. – И ты рассчитывала это услышать, милая. Что нужно сделать дальше, чтобы соответствовать идеалу?

– Идеалу?

– А разве не к нему ты стремишься?

Ада непонимающе нахмурилась, а Слава кивнул в её сторону.

– Твоя внешность.

– Лёня считает, что мне идёт, – с лёгкой заминкой бросила она пустые слова.

– Может, и считает, но зачем-то ты это делаешь? Ты сама. Лицо, грудь, – что-то изображая руками, взглядом Слава вёл по её телу. – Я успел оценить. Красиво.

– Но тебе не нравится, – догадалась Ада, и он кивнул.

– Ничем нельзя заменить индивидуальность. А теперь ответь мне: зачем ты, подобно мне, пытаешься слиться с толпой? Что с тобой случилось? Авария? Травма? Почему боишься показать себя настоящую? – вернул её же фразы.

Ада ничего не ответила. Она опустила взгляд, пожала плечами, как вдруг поняла, что дыхание спёрло, такая необходимость появилась ответить на его вопрос.

– Лёня считает, что мне идёт, – повторила, вскинув взгляд, скрестив свой уверенный с его жёстким, а Слава покачал головой, отрицая эти слова.

– Сломалась, милая, сломалась. И неважно даже, что это было, авария или травма... А он вместо того чтобы починить, пытается вылепить что-то новое, держит рядом с собой. Почему?

– Потому что только так не уйду.

– Так, сделай ему сюрприз! – Слава хрипло рассмеялся и не стал останавливать, когда Ада встала из-за стола.

Он проводил её странным взглядом до гостиной. Не отреагировал, когда, устроившись прямо на полу, Ада принялась натягивать сапожки, когда небрежным движением набросила шубку. А вот как направилась в сторону входной двери, подскочил с места, сам себе не пытаясь объяснить принятые решения, и схватил за руку, останавливая. А она, будто ждала этого, вскинула требовательный взгляд.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – проронила.

– Что?

– Что-нибудь... Злость, ненависть, ярость, желание, возбуждение, – принялась Ада перечислять, а Слава смотрел на неё жадным взглядом и будто не слышал этих слов. – Мне иногда кажется, что Лёня, будто робот, следует заданной программе. Справляется с проблемами по мере их поступления и никогда не ошибается. И точно знает, что добьётся своего. Нет чувств, нет эмоций, есть только эта нечеловеческая уверенность в себе и собственных поступках. Он смотрит на меня, потому что привык смотреть. Слушает мой голос, и давно убедил себя, что нет в этом мире звуков совершеннее. Не пытается импровизировать в постели – ему это не нужно. Оргазма можно достичь и без чувств.

– Впервые об этом слышу, – отмахиваясь от глупых слов, Слава дёрнул плечом.

– Оказывается, можно... – Ада грустно улыбнулась. – Рядом с ним и я перестаю чувствовать. А когда человек ничего не чувствует, его душа умирает. Я не хочу умирать...

Избавившись от захвата, Ада всё же распахнула дверь и полной грудью вдохнула свежий морозный воздух. Она блаженно прикрыла глаза и раскинула руки в стороны, отдавая себя этому чувству свободы. Внутри что-то оборвалось и ухнуло вниз, когда уловила, как Слава, поддаваясь её эмоциям, стал сзади и двумя руками, сдавливая в крепких мужских объятиях, перехватил поперёк груди. Сердце радостно затрепетало. Оно всё-таки затрепетало... Участилось дыхание, больше не получилось сдержать улыбку, и Ада, будто сдаваясь в плен, полагаясь на чужую силу, подалась чуть назад. Она позволяла мужчине принимать решения. Дышала судорожно и поверхностно, осознавая, что всё ещё помнит эти сладостные мгновения.

– Этот запах... – прошептала, вдохнув глубоко и ровно. – Ты чувствуешь? Сладковатый морозный запах! – рассмеялась, когда Слава уткнулся носом в её шею. – Запах арбузной корочки, как в детстве.

– Что? – он странно дёрнулся.

– Как в детстве, говорю! – Ада рассмеялась громче, а как почувствовала, что Слава хочет отстраниться, накрыла его ладони своими, не позволяя вот так уйти.

– А я вот не мог вспомнить, чем пахнет мороз... – тихо проронил он. – Ты подсказала, – пояснил и сжал крепче, переплетая её пальцы со своими.

И именно в этот момент вдруг вернулась лёгкость, о которой и не мечтал. Слава устало выдохнул, в принципе понимая, что всё происходящее не более чем самообман для них двоих. Он криво ухмыльнулся, зная, что Ада этого не увидит и, возможно, не успеет прочувствовать, с осязательным сожалением отстранился и склонился над ухом.

– Если ты пришла ко мне за эмоциями, то напрасно. Их нет.

– А я знаю, что ты врёшь! – спокойно отозвалась она и откинула голову назад, устраивая её на мужском плече.

Ада заглянула в глаза, а Слава понял: всё заметила и всё прочувствовала. И даже то, как собирался с духом, чтобы высказать эти слова. Он не выдержал её взгляд и посмотрел вдаль.

– Пойдём, погуляем? – предложила Ада, правда, знала, что Слава откажется, потому и не стала спорить, когда он развернулся и удалился вглубь дома.

Войдя в гостиную, застала его сидящим на диване. Обошла стороной и остановилась напротив. Так, чтобы видеть глаза.

– Ты не сможешь от меня спрятаться! – предупредила.

– Да ну? А если я и не буду пытаться этого делать? Надолго хватит твоего энтузиазма, милая?

– Ты специально так ко мне обращаешься?

– Как? – Слава хмыкнул, но было видно, что издевается. Было видно, что пытается задеть, обидеть.

– С ледяным безразличием. «Милая» в твоём исполнении звучит никак иначе, нежели: «Я от тебя устал».

– Я от тебя устал, – покорно проговорил он и, наблюдая за встречной реакцией, склонил голову набок.

– А я красивая? – спросила Ада в лоб и видела, что от подобного поворота Слава на мгновение растерялся.

На самом деле не хотела слушать его мнение на этот счёт, глупые, бессмысленные слова, но не успела увильнуть. Она приблизилась, контролируя взгляд, когда Слава попытался уйти от ответа.

– Не знаю, я не задумывался. Наверно красивая, – прозвучали безразлично брошенные слова. Ада множественно кивнула, осознавая, что есть в Славе что-то, что заставляет забыть и слететь с намеченной траектории.

– А твоя девушка? Какая она?

– И она красивая, – прикидывая, оживляя её образ в воспоминаниях, Слава скривил губы.

– Но другая, не так ли?

– В отличие от тебя, Марина точно знает, чего хочет.

– Вот как? А я что же? Считаешь, не определилась? – Ада, принимая претензию, отвечая на неё холодным возмущением, скрестила руки на груди.

– Ты в принципе всё это делаешь от скуки, Ада, согласишься. У тебя сытая, довольная жизнь, до неприличия терпеливый жених. Он дарит тебе своё внимание, заботу, дорогие подарки.

– Что такое его подарки, если в них нет души? Будто пытается расплатиться за свою эмоциональную скупость.

– Все люди разные. Он тебя любит, и этого не отнять. Ничего не знаю о ваших отношениях, но то, что любит, видел наверняка.

– Скорее, боится потерять.

– В любом случае, это ваши проблемы, и меня они не касаются! – чётко и громко заявил Слава. Ада отшатнулась от этих слов, как от удара. Глянула исподлобья и криво ухмыльнулась.

– Ты мне нужен.

– Зачем?

– Я не знаю... Но ты мне нужен!

– Сколько пробовали до меня?

– Пробовали что?

– Не знаю, – прикидывая варианты, он пожал плечами. – Добиться твоего расположения, например. Попасть в твою постель. Может, сделать тебя своей...

– Не помню таких.

– Но ведь они были! – будто упрекнул Слава, и Ада подошла совсем близко.

Она, присаживаясь напротив, устроилась на кофейном столике и, совершенно не задумываясь над вопросами, отвечала, что чувствует.

– Были, наверно. Не замечала. Я жила своей жизнью. Только Лёня всегда рядом...

– Сейчас что? Своя жизнь, как я понимаю, наскучила? Решила научить жизни меня? Считаешь, имеешь на это право? Право давать советы! – тут же пояснил он претензию. – В своей разобратся не пробовала?

– Лет десять уже, как забила на свою, – Ада невесело усмехнулась и зажала между колен прямые ладони.

– Почему ты с ним, если всё так плохо?

– Просто в один момент мне стало всё равно. Не Лёня, так, кто другой оказался бы рядом. Считаю, он был проворнее остальных. Вот и весь секрет.

Ада проговорила это и смолкла. Молчал и Слава. На самом деле он думал. Размышлял над её словами, приценивался к умелой игре. И не мог отделить фальшь от реальности, оттого и злился. Понятно, что у неё где-то болит. Но сама Ада не признается, а на то, чтобы вытащить эту занозу, уйдёт много сил. Нужно ли ему всё это? Нужно ли... А Ада, будто воронка, затягивала. Не понять даже чем именно, только Слава давно начал захлёбываться её присутствием.

Глава 5

Он ждал. Каждый день ждал её внезапного появления, а, увидев сегодня, растерялся. Ада обещала прийти, но не говорила, что придёт так... Без спроса ворвётся в его жизнь, всё в ней растопчет и разломает, как ураган разнесёт! Слава был уверен, что сможет противостоять, что с лёгкостью откажется от её общества, а получается, что чувствовал себя зависимым. Уже. Хотя сколько времени-то прошло, а? Несколько часов и несколько слов, брошенных в порыве эмоций!

Эмоции. Безусловно, Ада их вызывала. Их было непривычно чувствовать и непривычно демонстрировать. Слава не хотел, чтобы она знала, чтобы догадывалась, а Ада, будто специально переворачивала всё с ног на голову, давая понять, что свои мысли от неё скрыть не получится.

В какой-то момент он просто плюнул на предрассудки. И на налаженную, как казалось, жизнь. Потянул Аду за руку и усадил рядом с собой, а она, пережидая какой-то личный моральный упадок, в жесте усталости прижалась лбом к его плечу. Ада не объясняла, а он не спрашивал.

Спустя время почувствовал, как она ожила. Вдохнула и выдохнула, и не думая отстраниться. Снова прижалась к плечу. Точно к тому месту, как и прежде, но в этот раз губами. Её дыхание дрогнуло, сорвалось, а потом исчезло вовсе. Но Ада ждала не позволения, а его ответа. Любого.

Когда он запустил пальцы в её волосы, с силой сжал их в кулаке, всё решилось само собой. И захлестнуло безумие. Одно на двоих. Поцелуи были жадные, рваные. Губы не совпадали. Все движения резкие, порывистые. А потом так же резко и отпустило. Тоже двоих сразу. Только Славу на мгновение раньше.

Ада, отдышавшись, открыла глаза, а он уже смотрит. Холодно. Равнодушно. Должен был так посмотреть. Чтобы надолго запомнила. Только вот самому себе не верил... Смотрел и не мог понять, что в ней такое есть... что зацепило и выворачивает наизнанку всякий раз, как попытается отступить. Она к тому времени даже дрожать перестала – нервничала, думала, оттолкнул, а он всё смотрел.

– Ты ведь не любишь её, – вдруг прошептала, и Слава сразу понял, что речь про его Марину. Глупость. Даже не думал о ней, а вот Ада подумала.

– Я и тебя не люблю, – сказал он и мысленно согласился со словами, ведь не любовь – безумие. Безумие такой силы, что даже не понимаешь, что хочешь сделать: причинить боль или защитить от всего мира. А лучше всё сразу. Чтобы крышу сорвало.

– Так, если всё равно, кого не любить, почему не я? – тихо прошептала, а Слава чувствовал – ещё секунда и сорвётся. Сорвётся на крик, на откровенную истерику.

Ада хлестанула его по лицу наотмашь, а потом уверенно посмотрела, в её глазах не нашлось ни капли сожаления. Впрочем, это сожаление невозможно было найти и у него. Тоже мог бы ударить – за ним не заржавеет. Он в принципе мало кому и что прощал, а этот её удар отчего-то принял как должное. Стиснул зубы, глухо прорычал, но принял. Ада сидела на его бёдрах – так и не вспомнила перебраться на диван, и сейчас Слава этим воспользовался. Вместо того чтобы причинить ответную боль, прижался лбом к её мягкой груди и обхватил руками крепче. Так, что, не справляясь с напором, Ада охнула. Растерялась. Ведь ждала другой реакции.

– Ты понимаешь, что если однажды не уступить, это никогда не закончится? – осторожно спросил Слава, на что Ада с вызовом хмыкнула.

– Сделаешь это только для того, чтобы от меня избавиться? – нервно хохотнула она, всё ещё находясь на пике напряжения. Сжала его свитер в кулаки.

– Через полгода я женюсь, – посчитал Слава необходимым предупредить.

– Мне всё равно! – фыркнула Ада. Голос дрогнул, но едва ли оттого, что врала.

– Я женюсь, а ты навсегда исчезнешь.

– Слава, ты не перестаёшь удивлять. Ещё ни один мужчина не просил меня об этом с такой страстью, – прошептала она. Только шёпот уже звенел. – Одно условие, – пробормотала, когда его пальцы больно сжали бедро. – Будь собой! – проговорила уверенно и твёрдо. – Собой настоящим.

– Уверен... ты оценишь, – многообещающе кивнул Слава и крепко зажмурился.

Примеряясь, он провёл ладонями по её бокам. Не к ней примерялся – к себе. Искал то настоящее, что осталось, и вдруг подумал, что ничего не помнит. Будто и не было настоящего, а лишь игра. Сначала игра в циника, эгоиста. Когда всё мог себе позволить, и использовал жизнь по полной. Выкачивал все её ресурсы, забирал все эмоции. Правда, и отдавал не меньше. Было много друзей и подруг. Ни дня, ни минуты Слава не провёл в одиночестве. Теперь всё то же, но круг близких людей сузился. Себя он закрыл, а остальных использовал. Не нужен – в аут! Жёстко и понятно. С Адой не мог быть ни тем, ни другим. Не мог и не хотел. И что оставалось?..

Слава и сам не понял, чего добивается, когда заставил её склонить голову и, вызывая злобное шипение, до боли прикусил нижнюю губу. Ада снова ударила его по лицу и беспомощно простонала в момент, когда сжал запястье и отвёл его в сторону. Вторую руку он тоже зафиксировал и сквозь болезненный поцелуй ухмыльнулся – Ада, в попытке избавиться от захвата извивалась, будто змея, и не понимала, что этим только больше дразнила. Сильная и смелая, она не была намерена уступать.

Своё невыгодное положение Слава расценил верно, и с силой оттолкнул ногой кофейный столик. Справляясь с Адой, он сполз на пол и уже там распластал под собой, не особо беспокоясь о комфорте. Не вникая в суть её претензии, отпустил руки и потянул за пояс узких джинсов. А в том, что претензия была – не сомневался. Ада сопротивлялась. Чисто по-женски. С дурацкими, но такими дразнящими трепыханиями и тихими проклятиями. Пыталась столкнуть его с себя, хлестала ладонями по плечам, по лицу, по шее. Она брыкалась ногами и злобно шипела всякий раз, как пытался сорвать с губ поцелуй.

– Ну что ты... Ну? – безумно шептал Слава, силой открывая её рот, толкаясь туда языком. – Ада... – смаковал её имя. – Капризная девочка... – неодобрительно покачивал головой. – Я ведь сильнее, я справлюсь, – выдавал он тихие обещания, когда смазанная борьба перерастала в открытое противостояние. – Остановись, – прошептал, как только она закрыла глаза, в один миг прекращая сопротивление.

Слава внимательно смотрел в бледное лицо, вглядывался в болезненную гримасу на нём.

– Успокойся, – проговорил, касаясь губами завитка ушка.

Ловко справившись, устроился на полу, а Аду усадил к себе на колени. Прижал её крепко, чтобы не возникло и мысли оттолкнуть. Свободной ладонью осторожно поглаживал по спине и тряхнул головой, раздражённо рыкнув куда-то в её шею.

– Круто же тебя ломает, малышка... – напряжённо выдохнул он. – Поговорить не хочешь?

Слава понял, почему она, отказываясь от завидного предложения, принялась активно качать головой. Какие уж тут разговоры, если сейчас не в себе... Пытаясь побороть боль в спине, поднялся с Адой на руках. Она, конечно же, пушинка, вот только его болячкам как-то всё равно. Ноют себе потихоньку, и всё тут.

Он бросил быстрый взгляд на второй этаж и, правильно расценив силы, направился в душевую за кухней. Уже там поставил Аду на пол и принялся раздевать. Вот сейчас она уже не боялась. То ли не чувствовала угрозы, то ли всё ещё не отпустил приступ покорности. Слава стянул с себя свитер и, удерживая Аду, шагнул под душ, врубил горячую воду. Как она любит.

И видел, сразу почувствовал, что она постепенно расслабляется. Не двигается, даже моргает через раз, но расслабляется. Только потом стянул её одежду.

– Что сейчас произошло? – проговорил, перекрикивая воду.

Ада, будто до сих пор и не замечала никого рядом, в ужасе распахнула глаза. Она попыталась закрыться в себе, даже руки скрестила, пряча голую грудь, а он развёл их в стороны.

– Так не пойдёт, – неодобрительно покачал головой. – Ты разговариваешь со мной, малыш. Ты мне доверяешь, иначе кранты нашему уговору, поняла?

Так Слава попытался выставить условие, но Ада, не желая видеть, слышать, ощущать чужое присутствие рядом, повернулась к нему спиной. Слава, упираясь напряжёнными кулаками в кафель, нервно выдохнул. Наплевав на любые предрассудки, он прижал Аду к себе и задумчиво промычал в сторону. Спустя время вырубил воду, малышку завернул в полотенце, на себя натянул халат.

Уже в спальне, устроившись на разных краях кровати, они долго молчали, глядя друг другу в глаза.

– Я был неправ, прости, – хрипло прошептал Слава. Ада отвернулась и тяжело вздохнула.

– У меня по-другому никогда не было, – проговорила она на грани слышимости.

– Что?

– Я не люблю его. Никогда не любила. – Прозвучало неожиданное признание. – А теперь просто привыкла так жить. На грани. Будто хожу по острию и всё жду, когда оступлюсь и сорвусь в пропасть, – тихо бормотала она, будто в разговоре с самой собой.

Слава на секунду завис, а потом, чтобы быть к ней ближе, перевернулся на бок.

– Ты про жениха своего, что ли? – не понял он и прищурился, когда Ада вдохнула, а выдохнуть будто забыла.

– Я никогда ему не изменяла. Он был первым и единственным все десять лет. Просто в один момент от безысходности ты перестаёшь себя любить и отдаёшься тому, что окружает. Ты наверняка понял, о чём говорю, – Ада невесело улыбнулась и мучительно перевела дыхание. – Только ты в своём одиночестве сменил не один десяток подружек, а я заиклилась на единственном мужчине.

– Ада? – Слава осторожно позвал, а она, отказываясь отзываться, покачала головой.

– Почему-то думалось, что с тобой будет по-другому, а на деле вышло всё то же. Я тебя испугалась. Я тебя не хотела. Сейчас – нет.

– Ада? – обратил он на себя её внимание, но на этот раз требовательнее, настойчивей. Коснулся тонких ладоней и напряжённо выдохнул, ощущая исходящий от них холод. – Ты замёрзла? – нервно дёрнулся и, игнорируя мутный взгляд, завернул Аду в одеяло. Мутный, беспомощный, жалкий... С таким взглядом люди обычно просят оставить их в покое. Ада на эти слова отчего-то не решалась.

– Я тебя понял. Ты хочешь по-другому, значит, будет по-другому, – проговорил Слава в сторону, но она услышала, грустно улыбнулась.

– Не нужно, всё хорошо, – вяло отмахнулась, на что он, удерживая несильной хваткой за подбородок, заставил смотреть в глаза.

– Ада, я услышал тебя. Не стоит ничего объяснять.

– Можно я спрошу? – впиалась она взглядом в его лицо и при этом не шелохнулась, позволяя Славе самому поправлять сползающее с плеч одеяло.

– Валяй, – развеселился он, раскусив эту уловку.

– Зачем тебе это нужно? Наш с тобой договор... Зачем?

– Ада, ты задаёшь такие вопросы... – Слава набрал в грудь побольше воздуха, будто намеревался прочесть целую лекцию, а потом со смешком выдохнул. – Просто, малыш, ты умная и расчётливая. А я идиот, каких мало!

Она опустила взгляд, а потом, будто пытаясь возразить, принялась бурно дышать. Правда, ничего из этой затеи так и не вышло.

– А давай съездим куда-нибудь вместе? – предложила с азартом, на который Слава отозвался вяло.

– Куда?

– Туда, где тепло. Где не придётся кутать меня в одеяло! – обрадовалась Ада так удачно подвернувшейся идее. – У нас ведь есть время?

– Полгода. Я уже говорил, – монотонно пояснил Слава, явно не желая даже мысленно возвращаться к этой теме.

– Хотя бы на пару дней. Я так давно никуда не ездила...

Ада захлебнулась наполнившим её вдохновением, а Слава недовольно глянул.

– По твоему свежему загару и не скажешь...

– Ну, – Ада смутилась, – это ведь с Лёней, а, значит, не считается! Давай съездим, – прижалась она к мужской груди, будто ребёнок, требующий ласки, и широкая ладонь сама собой опустилась на светлые волосы, чтобы пригладить их.

– Не знаю...

– А что тут знать?! Я завтра позвоню тебе и скажу место и время, а ты купишь билеты. Уговор? – Ада заискивающе посмотрела в глаза, а Слава просто не смог отказать.

Они так и провалились в постели весь день за разговорами ни о чём. А утром Ада, действительно, позвонила. Слава даже не думал спрашивать, откуда знает его номер. Знает и знает... он бы всё равно его назвал... только бы спросила. Вот только Ада решила справиться сама. А ещё через день они летели над облаками, создавая впечатление идеальной пары.

Ада сжимала в руках миниатюрную лису из плюша – его подарок. В одном из магазинчиков аэропорта он просто не смог пройти мимо игрушки. Слава назвал лису весьма символическим подарком, Ада сочла красивой. На этом и сошлись.

– Боишься летать? – спросил он, как заметил, что Ада чрезмерно сильно сжимает подлокотник кресла.

– Из дома сбежала... – невесело хмыкнула она и разжала пальцы. По крайней мере, создавала видимость расслабленной позы.

– Что так?

– Смеёшься?! – Ада закатила глаза и надула щёки. – Витя ни за что бы меня не отпустил.

– Витя?

– Ну да, – она пожала плечами, не понимая вопроса. – Лёня сейчас на конференции. Делится заслугами, слушает других таких же хвастунов, а в реальности эти ребята обмениваются своими больными фантазиями. Он сумасшедший, – доложила Ада, будто по секрету. – Впрочем, как и все психиатры, – невесело усмехнулась.

– В прошлый раз сумасшедшей ты называла себя.

– Называла и что? – удивлённо хмыкнула она. – Одно другому не мешает. Я сумасшедшая, Лёня сдвинутый, а профессор Буланов, так и вовсе форменный псих! Это нормально, – отмахнулась, но заметила, как Слава улыбается, выслушивая её рассуждения.

– Почему ты от него не уйдёшь?

Ада ахнула и в ужасе распахнула глаза.

– Да брось, ты что! Лёня, конечно, не подарок, но многие считают, что я на него должна молиться. Кто ещё вынесет мой дрянной характер?

– Так считают многие, но не ты, верно?

– Ты Лёню видел?

Ада усмехнулась тому, как Слава презрительно фыркнул.

– Ты ему тоже не понравился, но сейчас не о том. Его невозможно любить! – выдала она уверенно и громко. Мило улыбнулась престарелой даме напротив и вежливо кивнула. –

Да, я ему необходима, но в наших отношениях много странностей. Ведь я для него не женщина, а объект обожания. И вроде как своих мыслей, желаний, целей быть у меня не должно. Порой кажется, что он и сам этого не замечет. Считает, что любит, а на самом деле так... – вяло взмахнув ладонью, Ада поджала губы. – Я говорила, что он изучает уровни самосовершенствования личности?

Слава неопределённо кивнул, но Ада поняла.

– Мне тоже сначала было всё равно! – хмыкнула. – Он был другом. Не больше и не меньше. Увлекался психологией, писал научные статьи и с первого курса стал любимчиком всех преподавателей в университете. А потом, как я сейчас понимаю, что-то в его умной голове сдвинулось не туда, и Лёня решил проводить эксперименты над людьми. И я сейчас говорю не о пациентах, а о тех, кто его окружал. Иногда доплачивал подопытным, проворачивал такие фокусы за деньги – на науку он их никогда не жалел. А порой это была банальная подстава. Не обходилось и без подлости. Всё во имя идеи, во имя высшей цели! Примерно такой лозунг я от него порой слышала. Думала – шутка, оказалось наоборот. Кто-то из «подопытных» проходил курс молодого бойца, кому-то повезло меньше.

– Ты, видимо, с его методами не согласна, – утвердительно кивнул Слава, Ада же потемнела с лица.

– Он ломал личностей, Слава. Сильных личностей. Говорю же, умный. К счастью, мы сейчас живём в другом городе, а то сгорела бы со стыда... с кем связалась, – с губ сорвался презрительный смешок. – Я всегда первой его и осуждала! А Лёня считал, что неправда, и с пеной у рта доказывал обратное. Кого-то из подопытных он намеренно топил и со стороны поглядывал, выплывет ли. Кого-то уничтожал морально, точно зная, куда бить. Запрещённый приём. Ведь, зная даже азы психологии, можно испортить человеку жизнь, убедить его в чём-то противоестественном. А уж если намеренно и целенаправленно наносить удар за ударом, отрезать пути к отступлению, зная, куда можно отступить, поджидая на том спасительном островке... вот тогда получается совсем красиво! Прямо по книгам, по схемам, изложенным в учебниках.

– Как ты оказалась с ним на одной стороне?

– Мне было очень плохо, – сухо, на выдохе пробормотала Ада. – Реально дурка грозила, – припоминая, она невесело хмыкнула. – Лёня тогда пообещал отцу, что сделает из меня человека, и папа поверил. Он всегда уважал Звягинцева. Собственно, так и случилось – прогнозы сбылись... Я к нему попала невменяемой, а потом как-то вдруг стало всё равно, где и с кем. Вот и не дёргалась никуда в сторону. Лёня назвал это громким словом «стабильность».

– Не скажешь, что случилось?

– А что тут говорить... Запуталась в жизни, – прищурившись, выдала Ада слишком уж общую фразу. – Так бывает. Мне тогда не исполнилось и двадцать.

– Наркотики?

– Нет. Полное моральное уничтожение самой себя. И поддержать было некому.

– А отец? Мать?

– Мама умерла. Наверно, это меня и надломило, – вдруг пояснила Ада. – Мы были с ней очень близки. А папа к тому времени, как я вернулась домой... – на этом она отчего-то замолчала и покосилась на Славу, опасаясь, будто говорит что-то не то. – Он к тому времени уже встретил другую. Мою одноклассницу, – с истерическим смешком Ада вытолкнула из себя воздух и судорожно вдохнула. – В общем, ему точно было не до меня. Я тогда оказалась обижена на весь мир. Не понимала такой его позиции, а сейчас приняла всё как есть. У папы родился сын. Тимофей. Ему уже пять. Ира с папой счастлива, и он рядом с ней держится молодцом. Ему всего пятьдесят, – посчитала Ада нужным пояснить. – С мамой они рано сошлись. Я родилась, когда только исполнилось по двадцать. Вот и выходит, что вроде как всё не так уж и страшно.

– Невесело.

– А то! – Ада хлопнула ладонями по коленям. – На деле Лёня оказался врачом что надо. Меня привёл в чувства очень быстро. Как – не спрашивай. Красивого там мало. Я ему даже была благодарна. Сначала. Потом только дошло, что должна чуточку больше, чем просто благодарность. Он очень давно меня любил и очень долго добивался...

Она снова сорвалась с мысли и глянула в пространство, пытаясь вернуться на правильную дорожку.

– Вот только я этого будто и не замечала. Уже и не припомню, что я там себе думала на его счёт. Ну а сейчас привыкла. И к его странностям, и к его выходкам. Лёня меня оберегает, защищает от всего. Он так говорит. На самом же деле его мечта – изолировать меня навсегда. Вот, тогда бы уж оторвался.

– Ты сейчас намекаешь...

– Нет, не в том смысле, что залечил бы или залюбил, – рассмеялась Ада, правда, смех мало походил на правду. – Он разговаривает со мной. Иногда часами. Записывает беседы на диктофон, а потом сотни раз перематывает их, анализируя, запоминая любые мелочи и делая определённые выводы. А если по правде, то до сих пор удивлён моей непотопляемости.

– В смысле?

– В том смысле, что по его теории несовершенства мира, я давно должна была гнить в больничной палате, будучи намертво пристёгнутой к койке.

– Он бы постарался?

– Нет. Лёня меня вытаскивает, – отрицая такой вариант, Ада качнула головой. – Но сам по себе прогресс, которого я добиваюсь после очередного срыва...

– Часто?

– Не бойся, тебя не покусая! – рассмеялась она, погладила Славу ладошкой по плечу, а потом посмотрела в глаза. – Ты только держи меня крепче, – прошептала, наверняка зная, что поймёт.

А он и понял. Оттого и выдохнул так тяжело.

– Скоро посадка, – сообщил, пытаясь выиграть для себя паузу. Ада понимающе кивнула и пристегнула ремни ещё до того, как услужливая стюардесса вежливо напомнила об этом на нескольких языках сразу.

Легко не было. Наоборот, подобные откровения, будто отдалили друг от друга. За всю дорогу от аэропорта до гостиницы не прозвучало ни слова. В какой-то момент Ада даже решила, что возненавидела Славу. За то, что посмел её пожалеть. А что? По всему выходило, что она жертва. Наверно, что-то неправильно сказала, а сейчас, осмысливая, назвала бы их отношения по-другому, по-другому бы преподнесла. Но к этой теме Слава больше не возвращался, а она вроде как не хотела навязываться. Да и почему она должна что-то объяснять?! Сказала и сказала... Будет возможность исправить сказанное – обязательно ею воспользуется. Когда-нибудь потом...

Номер оказался один на двоих. Комнаты тоже две, а вот постель одна. Эта мысль не то чтобы пугала, но настораживала. До сих пор Ада не объяснила себе, что произошло тогда в его доме, с чего вдруг она взбрыкнула. Или сама по себе мысль об измене доводила до нервного срыва?.. Но тогда испугалась. Испугалась мужчины, его грубости. А ещё чувствовала, что, пусть и просила его быть настоящим, просьбу Слава не исполнил. Уж непонятно, по какой причине, потому как казался честным партнёром. Вот и выходило, что на взаимопонимание им отведено всего два дня, а переосмыслить требуется столько, что не справиться и за всю жизнь.

– Значит, пока жених в отъезде, тебя сторожит его цепной пёс? – вдруг спросил Слава, отрывая от созерцания шикарного вида на море, что открывался с балкона их номера.

Ада сначала и не поняла, о чём тот спрашивает, а потом и вовсе нахмурилась. Ответ получался какой-то неправильный, а врать не хотелось.

– Это отец попросил Витю присматривать за мной, – пояснила Ада более чем лаконично. Хотя такой ответ, скорее, вызывал больше вопросов, чем что-то объяснял.

– Что так? – пошёл Слава по пути наименьшего сопротивления, и Ада была этому рада. Сейчас она не хотела копаться в семье и в отношениях с отцом. Тряхнула головой, подставляя волосы ветру, расслабленно улыбнулась. – Лёне твоему не доверяет?

– Да не то чтобы... Папа не любит таких людей, которые часто уступают. Лёня уступает только мне, и это настораживает. Все срываются. Однажды сорвётся и он. Отец, понимая это, Витю мне и выделил. У него даже спальня рядом с моей. На всякий случай.

– Серьёзно... – наблюдая за Адой исподтишка, Слава поджал губы.

– Не смейся! – обернулась она и не сдержалась, подарила улыбку.

Сейчас Слава был другим. Тоже расслаблен, спокоен. Устал, наверно. Перелёты утомляют. Не мягкий и не пушистый, как казалось до этого. Он был жёстким. По жизни жёстким. Но Аде отчего-то уступал. Тоже. Прежде она и не задумывалась, почему так – считала его мягкотелым, а вот сейчас оказалась не на шутку удивлена. Такие люди ничего не делают просто так. А он и не планировал разглядеть своей выгоды, значит, или уже нашёл её, или любопытство завесило куда больше здравого смысла.

– Ты сказала, что сбежала из дома, – снова вернулся Слава к мысли.

Он выпил из бокала что-то алкогольное. Ада не любила пьяных мужчин и не переносила запах спиртного, но сейчас против не была. И сама бы глотнула, только вот никто не предложил.

– Так и было, – заверила, не жалея чувствовать его сомнение. – Витя сейчас, небось, всю охрану трясёт.

– А смысл?

– Никакого, но ведь нужно что-то делать! Я оставила записку, что скоро вернусь. Попросила прикрыть перед Лёней.

– И он прикроет?

– Вот ещё! – Ада громко фыркнула. – Налей и мне, – попросила, едва не подавившись слюной после его очередного глотка.

Слава неодобрительно качнул головой, но просьбу исполнил. Предложил белое вино, которое услужливые хозяева поставили в ведёрко со льдом. Только сейчас Ада заметила украшение номера, обилие цветов и общую дизайнерскую задумку. Заметила и закатила глаза.

– Это что, номер для новобрачных? – рассмеялась она, скорее, от неожиданности.

– Не знаю, мне нравится, – оглядываясь по сторонам, Слава скривил губы. – Тебе всегда рады, тебя поздравляют. Тебе завидуют, в конце концов! – принялся он перечислять плюсы, на что Ада рассмеялась громче.

Она приняла предложенный бокал из его рук и напряглась от случайного прикосновения, будто он уже сейчас склоняет к близости. Но в глазах Славы было умиротворение, а в теле приятная истома.

– Сейчас немного отдохнём и выйдем погуляем. Ты как?

Задумавшись всего на мгновение, Ада решительно согласилась:

– Я как ты, – пожала она плечами. – Только налей ещё, – залпом допив содержимое, вернула пустой бокал.

На этот раз Слава не противился. Наполнил бокал снова, а вино в холод так и не поставил, верно расценив, что оно скоро пригодится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.